

Мой дорогой друг!

Я писал эти рассказы всю свою жизнь. Я много ходил по земле и повидал много. Но понимая, что никогда не будет вечным моё скитания, решился писать эти истории. Что из них правда, что ложь – решать тебе. Рукопись эта прошла по миру, истории эти не искажены, ибо я один мог их рассказывать вам. Но у меня будет маленькая просьба, прежде чем вы начнёте читать эту книжку:

- приготовьте много чая и кофе;
- в первой главе у меня собраны пророческие истории или же те, что писались только ради музыки. Потому не игнорируйте песни, которые я специально сюда вписал;
- не злитесь на то, что написано здесь – всякий сказ хорош тем, что он не для каждого.

Более задерживать вас от чтения не смею. Желаю благ и удачи

Ваш Странник

Глава I. Истина

Это всё я!

История и пир горя.

♪ *Bruno Coulais (Бруно Куле) – In The Forest*

Над рекой стелился вечерний туман. Ночь уже входила в свои права - кровожадно и совсем некрасиво. Её мокрота и липкая тьма окружила лес и иву, растущую недалеко от мостка. Ива плакала – будто весь день ждала, когда же наступит ночь, чтобы выплакаться кому-то страшному, но доброму...

В деревне зажглись фонари, в окошках засияли жёлтые лампочки. Но я и не думала возвращаться - вода сейчас холодная, а позже она будет тёплой-тёплой, а я хочу покупаться. Днём очень много народу, да ещё парни подкалывают на берегу. Была б я толстенькой или совсем худой, так нет - обделил же Бог кого-то такими формами! Да и шумно очень днём, грязно и совсем не спокойно. А ночью никому не придёт в голову идти на речку купаться. Там типа водянки и водяные, ой....

Сижу уже третий час, свет гаснет во всей деревне очень резко. Электричество что ли отключили? Хм, странно - ни грозы, ни ветра, а выключили. А работы с проводами провели ещё три дня назад. Странно... И не зажигались фонари даже после часа ожиданий! Неужели сбой - не, не поверю, чтобы электрик Миша что-то не так сделал! Но и возвращаться в деревню я не спешила - ну очень хотелось купаться. И тут я увидела страшное...

Луну заволокло какой-то тучей, и в этом слабом свете из воды начали стремительно выползать водоросли. А надо ли говорить, что я их до смерти боюсь. Я заорала, а они тянулись ко мне своим изгибчивыми телами, скользкими и противными. От них ужасно воняло, к ним прилипли икринки лягушек и слизняки. Но тут снова появилась луна, и вместо этих жутких растений я увидела... Головы! Синие головы утопленников с огромными как у рыб глазами. Мавки*...

Одна из них очень близко подплыла ко мне:

- Хочешь, расскажу кое-что под ивой?

Я смотрела на неё огромными глазами, она же хлопала руками по воде и повторяла вопрос.

Вдруг она обняла мою голень и резко стащила в воду. Я завопила, резко встала и отскочила на три шага назад. Она же, невинно и будто сильно удивлённо, захлопала безресничными веками, села на бортик мостка. Её обнажённая грудь висела, обнажённые до верхних бёдер

ноги оставались в воде. Из одежды на ней были только лоскуты, прикрывающие раны на руках и нижнее девенство.

- Идём, идём...- начала она звать, плавно маня руками. Из воды показались другие лица, но они не подходили, а лишь шептали синими губами "Идём, идём...". Ноги сами понесли меня к этой живой утопленнице. Стянув с себя всю одежду, я вошла в слегка холодную воду, и мавка потащила меня к иве.

Когда мы были в половине пути от неё, она зашептала - сначала медленно, потом энергично:

- Это я, это всё я...

Я внимала каждому её слову, пила приоткрытыми губами шёпот других мавок и речную воду не в силах вразумиться.

- Он был таким красивым, невероятно красивым. Если бы я была человеком, я бы смогла с ним гулять по берегу, плести венки, даже попробовать хлеба...

Если бы... быть человеком... Чёрт! Она же меня утопит! Я хотела уже отстраниться, но она схватила повыше плеча и зашептала мне прямо в ухо:

- Он был хорошим, каждый вечер, каждую ночь играл на соломинках из камышей... Он был невероятен... Такой милый, любая рыбёшка рядом с ним не стояла. А он ещё мычал красивые песни. Я слушала их... Он приходил на этот мосток, каждый вечер, каждую ночь... Как ты...

Прямо животом ощущала её мертвецкую кожу, обросшую какими-то пластинками. Чувствовала, как она щекотала мои ноги пальцами своих. Чувствовала, что кто-то привязал меня ко дну каким-то верёвками... И не могла пошевелиться...

- Я, всё это я... Я это сделала! Я не плакала, когда это делала, и даже потом! Я во всём виновата, я одна, Я!

И тут её зубы кровожадно впились в мои ключицы. Я закричала, но меня тащили ко дну, вырывая из тела мясо и кости. В лёгкие и вспоротый кишечник попадала вода, в глазах замелькали зелёные искорки горя и кровожадности...

А на утро река окрасилась красным, и на берегу рядом с ивой выросли розы – в честь погибшей девицы, ушедшей на корм горю и несчастью.

Россыпь моей боли

♪ *Enigma (Энигма) – Sadeness (Part I)*

Мы были в шоке, когда узнали. Мать дар речи потеряла, отец будто бы разом иссох. Как это было больно – как будто в тебя тыкают кончиком иголки, а после оставляют её в коже, чтобы под тяжестью одежды, она колола тебя и входила глубже в тело. Но не это было противным – с каждым разом, когда их становилось больше и размеры их были нереально скрыть под мешковатой одеждой, родители срезали их... и продавали! И прямо ждали, когда у меня вырастет новый кристалл. Да – в моей коже каким-то образом вцепились воедино оксиды алюминия и живые клетки. И от этого кристаллы росли быстро и были уже абсолютно чистыми. Такие камни покупали за бешеные деньги. Родители просили за эти камни, чтобы никто не смел рассказывать про способ их добычи, скорее - для того чтобы не потерять доход. И это было до ненормального обидно и злило! Очень часто замечал, как они теперь смотрят на меня, особенно мама. Виду не подавали, что у них прямо руки чешутся взять напильник и отодрать камешек-другой, а я по глазам вижу. Прямо жадное пламя пляшет, лихорадочный блеск, как у полусумасшедшего грабителя драгоценностей. Я скрывал эту напасть как можно более тщательней, даже шею обматывал шарфом, чтобы не было лишний раз видно мелкие вкрапления рубинов. Невероятно неприятно, когда на тебя таращатся с таким видом, будто ты какой-то дурачок или больной на всю катушку. У меня до этого не было друзей, даже приятелей, но после такой смены имиджа, даже просто кому-то слово сказать стало невероятно трудно. Единственный человек, который меня поддержал - это Аня. Красивая и добрая - прекрасная мишень для издевательств. Она была слабой, не могла за себя постоять. Сама она себя ругала, что она такая «тряпка», даже рассказывала, что когда была в детском садике, то бабушка часто делала ей замечание, что она ходит на поводу у всех. Но мы как-то сдружились. Может, потому что я был единственным её защитником и другом в школе - даже учителя от неё многого не ждут. Однако я ей не рассказал про свою боль, как-то не хотелось её тревожить...

Как-то раз она пришла в школу... В просторном летнем платье! Представляете - такая девушка в воздушном платье, распущенные волосы, белые лодочки и ни грамма макияжа. Сразу вопрос – и всё это без партнёра! Действительно, когда Анька шла по коридору, все мальчишки провожали её взглядом. У меня даже в сердце защемило... от ревности?! А, фух - кристалл начал пробиваться. Или он то из-за ревности действительно... Аня скрылась в кабинете медика, оттуда вышла с врачом и зашла в кабинет директора, вышла оттуда только через десять минут. Вид у неё был очень грустный и обречённый. Перешептываясь с медиком, она поправила лямку у рюкзака и направилась к лестнице, я за ней.

- Ань! Аня, стой!

Услышав меня, она неожиданно рванула резко с места и побежала на третий этаж. Я за ней.

- Ань, Аня! Да что случилось!

- Гриша, не подходи ко мне! Пожалуйста! Это ради всех вас! - и исчезла в дверях женского туалета. Я был в немалом шоке – что это с ней?

Она пересела от меня на последнюю парту, засела и скрылась за учебниками, даже учителя смотрели на неё, выпучив глаза. Что уж говорить про других - они вообще не могли её узнать. Скрытная девочка с двумя косичками – вдруг в таком платье, да ещё скрывается от всех на каждой перемене то в туалете, то в библиотеке, то вообще в подсобке, запираясь изнутри. Заходила она в класс только со звонком. Это начало меня уже пугать – она что, чем-то болеет? И почему мне ничего не говорит? Выпытывать что-то у неё было бесполезно, потому решил обратиться к её маме, Светлане Валентиновне. После уроков я напрямик направился к ним в дом – наши кварталы были соседними, потому ходить далеко не надо было. На звонок Светлана Валентиновна открыла сразу, даже встретила приветливо, я ожидал немного другого.

- Гриша, милый! Заходи...

- Светлана Валерьевна, я буквально на пару слов.

Та встала на пороге, лицо её стало серьёзным и каким-то даже напряженным.

- Вы не знаете, может Аня чем-то болеет? Почему она такая скрытная?

Светлана Валентиновна медленно выпрямилась, вздохнула.

- Значит, она не сказала... И я не в праве говорить. Прости, Гришенька, но я действительно не могу сказать, - и дверь закрылась. А я вновь почувствовал, как на груди пробиваются новые кристаллы – большие и ужасно болькучие. В ту же ночь мне было не уснуть – кристаллы лезли и лезли, я уже не мог не кричать, и затыкал себе рот подушкой – даже просто на боку я не мог уснуть. Родители начали быстро их спиливать, за час они вмиг выросли. Сегодня не спал никто, только под утро всё прекратилось, но оставшиеся три часа никак не дали нам выспаться. Когда я пришёл в школу, к слову – со звонком, - то заметил, что место Ани не было занято ни после пяти минут, ни после десяти. Вскоре классная нам доложила, что у нас в классе убывание – можно сразу же догадаться. А это был конец декабря...

Месяц, другой, вот уже май – я уже не мог места себе найти. Аня не писала, не разговаривала, даже не делала никаких намёков на то, что с ней происходит. Нет, я так не могу! Сегодня же подойду и всё у неё спрошу! Всё же удалось со слухов узнать, в какую школу, а точнее – гимназию, - перевелась эта беглянка. После уроков выскочил раньше всех, Аня остаётся на факультативе, уж такая она ответственная. Я ждал её на детской площадке возле школы, а когда заметил её тёмную вместительную кожанку, тихо по следам пошёл за ней. Аня никогда не ходила прямой дорогой – только окольными путями, даже ночью. Всего десять метров до дому, на пути перелесок. Уловив момент, я подошёл очень близко и железной хваткой вцепился в её руку. Как она заорала!

- Пустите, пустите! Прошу, пустите! У меня нет денег!.. Они ещё не успели отрасти! Пустите!!!

Ещё и глаза закрыла. Подтолкнул её к себе, она вообще ногами начала пинаться! Но когда я начал её гладить по спине и шептать "Анька, это ж я", она успокоилась. С удивлением заметил, что спина у неё... неровная какая-то, будто бородавками покрылась...

- Ань, слушай - что происходит? Ты меня избегаешь, и я не понимаю по...

И тут пальцы нащупали что-то твёрдое под её курткой. Твёрдое, гладкое и колющееся! Она тут же отстранилась и побежала к дому, но я её ловко нагнал, обхватил за талию, и руки прямо воткнулись в это самое что-то острое. И оно было невероятно огромным! Аня неожиданно притихла, послышались тихие всхлипы, не буквально две секунды. Я поставил её на землю и спросил:

- Ничего не хочешь мне рассказать?

Она долго не отвечала, но потом резко подняла голову и умоляюще попросила:

- Обещай, что никому не расскажешь.

- Конечно.

Она потянулась к куртке, расстегнула её полностью, после разорвала руками хрупкую ткань того же белого платья и явила мне... Синие кристаллы! Они были рассеяны по всему её правому боку, закрывали грудь, даже на шее я впервые заметил маленькие, совсем крошечные кристаллики. Даже в глазах у неё они были! И это было... чертовски красиво!

- Давно они у тебя?

- С того дня, когда мы перестали общаться. Я боялась об этом говорить, даже тебе. Я бы выглядела уродкой... - это было единственное, что она смогла выдать из себя, после она зарыдала и скрыла своё лицо в ладонях.

- Ань, ты чего? Думаешь, я бы стал об этом кому-либо говорить или перестал дружить с тобой!?

- Я же уродина! - очень громко крикнула она, у меня даже уши заложило. Оторвав ладони от её лица, я стянул с себя куртку, расстегнул рубашку и показал свой недуг. Она широко распахнула глаза.

- Но...но...

- Тоже не говорил. И да – живу с этим больше твоего, - улыбнулся её лицу.

- Какой металл?

- Алюминий. А у тебя?

- Медный купорос. Разве не помнишь?

- Нет...

С этого момента мы будто открылись друг другу. Вот сейчас стояли и смотрели друг на друга. И не знаю даже, как это назвать - чувствовали свою неодинокость. И заметили, что прямо на наших глазах растут кристаллы – у меня красные и крупные, а у Ани - голубые и маленькие. И не могу снова не сказать - это было ужасно красиво. А мы смотрели на эту боль, на её прекрасную и ужасную россыпь...

Враг себе

♪ *Flëur (Флёр) – Лунные лилии*

Вы когда-нибудь спорили на желание? Наверняка это было такое желание как "Всем по конфете" или "Поцеловать Пашку Сидорова". А у меня подруга пожелала кое-что оригинальное - нажить себе врага.

Это было не трудно - достаточно кому-нибудь рассказать чей-нибудь секрет, а я в нашем классе была объектом, которому можно было рассказать любой секрет. А таких людей, у которых «накипело» на душе, много - ведь кто не любит поплакаться кому-то в плечо да рассказать, что на душе накопилось. Но так подло поступать я не хотела – рассказать чей-то секрет для меня очень подлый поступок. Поэтому решила немного поиграть на ролях. Потому вечером подошла к Насте - самой доброй и ответственной девочке в нашем классе. Она была на две головы выше меня и по оценкам на один балл лучше, короче - отличница круглая.

- Насть, можешь мне помочь?

- Конечно!

Ох...

- Настя, мне подыграть нужно...

Я ей всё рассказала, мы договорились так играть на неделю. Но уговорить её удалось с трудом, если честно. Мы пустили слухок, будто бы я застукала её с сигаретами за гаражами. Мы даже для виду достали шапку моего папы - от неё веяло куревом ой как сильно! - и долго в ней хранили шапку и шарфик Насти. В конце концов - врагов мы изрядно поиграли! Ну не - Настя отличная актриса! Я даже реально поверила, что её застукала, и она теперь меня ненавидит. Правда, мы с ней уже во вторник встретились в кафешке и за чашкой-другой хорошо побеседовали. Учителя ничего не знали, а одноклассники из верности и преданности к Настёне ничего не говорили – говорили тихо и не в людных местах. Вскоре все эти страсти утихли, но тут произошла то, чего мы обе не ожидали...

После двух дней от недели «игры» Настя пришла ко мне в дом, вся урёванная.

- Ты чего?

- Поговорить надо...

Я заварила нам чай, усадила её на свою кровать и сказала решительное:

- Рассказывай.

Настя снова заревела, но тут же взяла себя в руки и сказала:

- У меня от этой шапки так несло, что её застукала мама. Она подумала, что я реально курю, и даже хуже - подумала, что с кем-то курящим встречаюсь и в банде состою. Я ей объяснила, что я тебя это делала, но она не поверила - повела меня к врачу. И знаешь...

Нет, врач не сказал, что у Насти закуренные лёгкие. Но он поставил ей страшный диагноз - опухоль. Мама просто не могла поверить! Мы с ней тоже. Вылечить уже нельзя. И после этого я считала себя виноватой. Причиной этих злосчастных опухолей были, конечно же, не эти шапочка и шарфик, но вину за них чувствовала я.

И вот кто тянул меня на этот спор?!

Он стоит за дверью

♪ *Мельница – Мертвец и Камиль Сен-Санс – Danse Macabre*

Еле-еле перевела дыхание. И еле-еле дверь закрыла.

- Олеся, милая! Ну, правда – не упрямься! Я же ничего плохого с тобой не сделаю! Это ведь не больно, я больно никогда не делаю!

Я прошла на кухню, включила чайник, и пока он грелся, нарезала себе сыру и поставила на стол овсяное печенье с шоколадом, моё любимое. Когда чайник выключился, достала чашку, сыпнула туда заварки, залила – по кухне прошёлся терпкий и возбуждающий запах смородины и мяты...

- Олесенька! Ну, правда – у меня ещё четверо, я не могу тебя долго ждать!..

Нет, он охамел! Резко встала, подошла к двери, что есть мочи пнула её, даже стены задрожали, и послала его по известному адресу. У кого-то явно был шок, но после двух минут молчанья он ответил:

- Ну ок. Я вечером зайду, - послышался шелест плаща, а после и хлопанье крыльев, будто взлетели вороны. Я, опираясь о недавно пострадавшую мною дверь, слезла вниз, и, упираясь руками в локти, зарыдала навзрыд. Ну почему я, почему я, а никто-то другой?! Я же ничего не сделала, и ничем не болею! Почему же он меня выбрал?! Я же серый человек, обычный, но почему, почему, ПОЧЕМУ?.. Вспомнила, что меня на кухне ждёт чай, прошла на кухню. Подумав, добавила в чай огромную ложку мёда, ещё подумав – достала вишнёвой наливки. Выпив рюмку, убрала на прежнее место. Потом села за стол, и стала медленно жевать сыр, будто ем его в последний раз и пытаюсь распробовать вкус. Но тут я налетела на всё, что было на тарелке и в пачке включительно. Всё это я прямо толкала в рот, будто воздух. Когда со скудным ужином было покончено, я посмотрела на часы. Кажется, 7 часов... нет, 9 - без очков не вижу ничего. Решила включить музыку:

Не грусти, не плачь, не бойся –

Это просто проблеск солнца.

В тёмных путях наших снов,

В ржавчине оков*

Ну не – что за вечер! Тут же вырубил музыку, и как-то в голову ударило, что на прошлой неделе мы с подружкой обменялись косметикой, а в шкафу у меня платье лежит, тёмно-зелёное. Достала его, надела, даже позволила себе накраситься. Взглянула на себя в зеркало... Блин, да я красавица! Эээх, жаль не успела в этом покрасоваться перед универом. Мы с мамой долго его выбирали...

- Олеся, миленькая! Да пойми ты – я ж как лучше хочу! Думаешь не так? Да пойми – мне проще так будет сделать, чем потом тебя вытаскивать из откуда-нибудь! Тебе же не нравится твоя жизнь...

Блин, да он прав, действительно прав...

- Олесенька, так пусть лучше я так сделаю, чем потом тебя такой видеть...

Я призадумалась. А ведь он правду-приправду сказал сейчас. Ведь мне и взаправду не нравится моя жизнь – надоевший универ, который нельзя бросить, контры с родными, одиночество. Мне было не в силу пережить всё это. Я действительно извела бы себя...

Прошла в прихожую, стараясь как можно меньше топтать, приоткрыла дверь, не полностью, и посмотрела в его зелёный глаз.

- Правда не больно?

Тот улыбнулся, очень мило и заботливо, как улыбаются отцы или возлюбленные:

- Олесь, я ни для тебя, ни для кого вообще не делал больно! Ты даже разницы не почувствуешь – всего лишь шаги по тому же асфальту....

- А книжки или хотя бы одежду можно взять с собой?

Он что-то поставил на крыльцо.

- Собирай вещи. Я даже два чемодана взял специально.

Я протянула руку и выхватила эти два чемодана, стараясь не смотреть на обладателя таковых.

Краем глаза глянула на серебряный конец его длинного зашнурованного сапога – грязного от осенней слякоти и мокрого от дождя. Собиралась я два часа, складывая всё очень аккуратно, чтобы побольше влезло. Помимо чемоданов на крыльцо были ещё поставлены спортивная сумка и старый рюкзак. Переодеваться я не стала, только накинула куртку.

- Ты красивая,- улыбнулся парень. Я думала, что сейчас он начнёт насмехаться, что мол по случаю нарядилась, но вместо этого водрузил на плечи мой багаж, протянул руку, за которую я ухватилась. Он лишь нежно погладил тыльную сторону большим пальцем, и мы ступили с ним в тёмный сизый туман...

... Я и не думала, что Смерть может выглядеть как юноша...

* Строки из песни «Мертвец» фолк-рок группы «Мельница». Комментарий к ней можете прочитать в разделе «Книжный плейлист»

Пока трижды ворон не каркнет...

♪ *Nightwish –Sleeping Sun*

В городе Эпплане было такое суеверие – если в последний день осени над твоим домом пролетит ворон и каркнет ровно три раза, то жди хороших перемен. Но если он каркнул два или один раз, но не улетел, значит, тебя ждёт испытание. И так будет длиться до тех пор, пока ворон не каркнет третий раз. И вот такая история произошла с Иглом.

Игл был из небогатой семьи садовников, единственным сыном, в шестнадцать лет остался сиротой – отец умер от старости, через четыре года сдала позиции и мать. Всё, что супруги успели нажить своим трудом, перешло в руки юноше, который ответственно и верно делал всё, что и его родители. И вот, вынося перед своим домом новую порцию яблок, которые шли на продажу в пекарню и простым людям, он увидел ворона. Конечно же – сегодня же последний день осени! Так, ну сейчас он каркнет... Один раз. И не улетает. Это что ж получается - ему придётся ждать испытание?

- Юноша, можно взять яблоки? – окликнул юношу чей-то голос.

Перед Иглом стояла девушка самой привлекательной наружности и соблазнительной комплекции. У любого другого парня голову бы снесло – ходил бы за такой девушкой собачкой. Еще бы - родинка над губой, белокурые волосы, чуть ли не жемчужного цвета; ворот рубашки широкий до неприличия, юбка оголяет ножки, обутое в ботинки.

- Можно конечно! - кивнул Игл, отобрал самые крупные и подал мешок покупательнице. Та безразлично поморщилась, осмотрев мешок.

- Парень, разве не видишь, что яблоки порченные?

- Как это – порченные? - изумился Игл, но тут девица достало одно и раскрыла плод.

Под хрупкой оболочкой плода была чума любого яблока - плод был полностью съеден червяком, оставившим после себя толстый слой гноя и толстой паутины. Кожура сморщилась, стала чёрной, покрылась плесенью.

- И да – так со всеми яблоками,- премило улыбнулась девица, и тут все яблоки сдулись, выпустив неприятный гнилой запах.

- Что ты хотела мне этим показать? - спросил юноша.

- Что ты – глупец, - вздёрнула голову вверх девица и передёрнула плечами, как делают перед жгучим танцем,- Нет никого краше меня на свете, а ты даже не подумал ничего.

- Мне главное яблоки продать да зиму встретить. Зачем мне в доме ведьма? – спокойно ответил

Игл собирал ящики. Но ведьма тут же топнула ногой и ящик выскочил из рук юноши.

- Ладно, раз ты такой... Что хочешь взамен испорченного урожая?

- Верни мне одно яблоко целым – то, что ты испортила своими руками на моих глазах.

Ведьма протянула ему гнилой плод, тот в руках Игл стал вновь целым. Сама девица уже шагала по улице вдалеке от него. Над домом каркнул зловеще ворон.

Весь день Игл занимался садом – проверял все деревца, срывал плоды, разрезал, пробовал на вкус – ни одного гнилого не нашлось. Успокоившись, что до яблонь напасть не дошла, Игл вернулся в дом. Сев за стол, юный садовод начал вырезать из дерева оберег. Но тут в окно ему постучали. Игл повернул голову, и увидел огромного ворона, глядевшего на него чёрными глазами. Оба смотрели друг на друга – изучающее и с любопытством, и тут Игл почувствовал себя птицей – такой же важной для этого дня, и невероятно одинокой, прозябающей на осеннем ветре и после дождевой сырости.

- Любуешься? Мой птенец, - проворковал знакомый голосок над ухом.

- У людей принято стучаться, когда они заходят. Или у ведьм этому не учат?

- Учат, да только надобности я в этом деле не вижу.

- И почто ж ты меня тревожишь?

- А знаешь, совесть заиграла, уж не обессудь – жалко тебя стало. Я тебе товар попортила, а ты попросил такую маленькую плату. Я позволила себе немного поправить твои яблони, - и бессовестная девица села на край стола и повела по носу Игла крупным яблочным лепестком.

- Яблони в осень не цветут. Яблоки у меня покупать больше не будут. Ты только усугубила мне ситуацию.

- А если я нас сад наложу чары, чтобы никто не видел цвет в ненужное время?

- Я тогда не буду торговать яблоками – буду сам их есть.

Ведьма рассердилась, но виду не подавала – ещё шире улыбнулась. Свободной рукой она взяла то самое яблоко, что попросил Игл, и стала его перекатывать из рук в руки.

- И почему попросил ты с меня яблоко? – удивилась девица, - Ведь ты мог попросить деньги, славу – что угодно! Но почему только яблоко?

- Ты, ведьма, хитра, но так глупа. Я человек простой, и даже если сам король отдаст мне свою корону, я ни за что не соглашусь на такую услугу. А ты своим поступком показала, какого гроша ты сама стоишь. А за грош я продаю ровно одно яблоко, - и с этими словами Игл придвинул руки с яблоком к девушке. Теперь та совсем рассердилась – силой сжала яблоко так, что оно развалилось, и ведьма растворилась в дверном проёме. В след за ней полетел её преданный попутчик.

В ту ночь Игл не спал - у него было страшное удушье. Кашель царапал ему горло, вскоре во рту оказался вкус крови. В доме казалось было невыносимо жарко, как в самый жаркий летний день. В конце концов, юноша вышел на улицу, во внутренний двор, ведущий в сад, и увидел ту самую ведьму, что испортила ему яблоки. Та стояла, уперев руки в бока, глубоко дыша от гнева и склонившись к бедному садоводу, который уже плевался кровавой слюной – такой сильный у него был кашель.

- Нет уж, так просто не уйдешь от меня! - зло кричала ведьма, плюясь и сжимая в руках ткань юбки,- Решай Игл – или женишься на мне, или умрёшь в удушье.

- Оставь меня, зачем я тебе? - прохрипел Игл, кашляясь, в глазах у него появилась тёмная пелена.

- Да чтоб от меня хоть кто-то нос воротил?! Нет уж – покорно благодарю! Решай или умрёшь!

- И что тебе даст моё соглашение - мы не пара др...

Тут лёгкие его сдавила невидимая сила, Игл совсем перестал получать доступ к воздуху. И вскоре на крыльце валялось его безмятежное обмякшее тело.

А тем временем ворон прокаркал на плече девицы в третий раз...

Яйцо или...

До чего же могут довести дураки! Порой стоит он на мосту, на самой середине, а перед ним стоит экипаж и не может дальше ехать, потому что этот не отходит. И не уйдёт, пока сам не захочет. Или может глазеть на рыбину в реке вместо того, чтобы её поймать. А потом перекрестить и выкрикнуть слова: "Да простит Бог тебе все твои грехи!". Ну не смешно ли?

А вот в одном городе водился такой нищий дурак Якоб. Никто его не любил, а ему будто вовсе без разницы – и на людей, и на то, как он живёт – одни обмотки да ношенные рубашки, без крыши над головой и без единого гроша. Все свои деньги, какие ему достались от отца с матерью, он раздал - сначала какому-то богачу, которому не хватало денег на очень дорогие духи жене, а что осталось – дал пьяницам. И так всегда – только что-то появлялось у бедняги, и он тут же это терял.

Но как-то раз увидел он на улице один тайлер, валявшийся прямо в луже вместе с рыбьими отбросами и нечистотами. Представляете – один тайлер! По тем временам на эту монету ещё можно было купить сотню яиц или пять кило свежего мяса. Потому Якоб бегом ринулся на рынок, к продуктовым лавкам. Но и торговец не был лыком шит – сразу

сметнул, что Якоб – дурачок. Потому решил обвести вокруг пальца и достал одно из самых больших и тухлых яйцо и яблоко с червоточиной внутри.

- Вот, погляди. Это яйцо в любой раз, сколько бы ты его не разбил будет восстанавливаться и вновь наполняться. А яблоко на откусанном месте – возрождаться вновь и становиться вкуснее. Но только одно из них я могу тебе дать. Подумай хорошо...

Ой, лучше бы он предложил ему одно яйцо! Якоб смотрел на испорченный товар во все глаза, но потом его лицо приняло очень задумчивый вид, будто он решал самую сложную задачу в мире. А уж как он перебирал пальцами, показывая то на яйцо, но на яблоко. Яйцо или яблоко – яблоко или яйцо? Возле прилавка уже столпились люди, сначала ждали, потом начали ругаться, а после всю ярмарочную площадь поразил хохот – все смеялись над беднягой Якобом. К вечеру народ начал расходиться, а сам торговец терять покупателей, ибо как только кто-то хотел что-то взять, как Якоб тут же кричал: «Стойте, я сейчас выберу» или «Не лезьте! Дайте выбрать». В конце концов, торговец не выдержал и заорал на беднягу:

- Стоишь, выбираешь! Не стыдно?! Я из-за тебя людей потерял!!!- и отобрал монету,- Это тебе за то, что всё настроение испортил и покупателей разогнал.

Так Якоб остался ни с чем. Но горе было ему – в тот же вечер этот же торговец выкинул всё порченное, Якоб проходил как раз мимо. А так как он не имел представления о плохой еде, то он, откопав где-то сковороду и спички, пожарил и те самые яйца, и даже тухлый кусок мяса. Да ещё испил из городской реки! А ведь каждый человек Средневековья знает, что этого делать нельзя ни в коем разе. Потому вскоре труп бедняка Якоба – простодушного и глупого – нашли в тот же день под мостом нищие дети. Голова покойника покоилась на рвотном его остатке и в яичных скорлупках.

Разлука

♪ *Alizbar (Элизбар) – Плач Баниши*

Наш отец владел мыловарней на дому. То есть – в нашем доме, на первом и втором этажах были мыловарни. На втором этаже и небольшая часть первого занимали сами мыловарни и склады, а оставшаяся часть была определена под лавку. Помимо мыла мы иногда выпускали и духи из воска, ещё реже - свечи с парфюмерной композицией или крема. Матери у нас не было, отцу было сложно первое время нас воспитывать, всё же нас было семеро, я - старший сын. Но мы как-то справились и со временем стали помогать отцу с лавкой. По старшинству: младшие два брата – Иоганн и Иосиф – таскали материал для мыла со склада в мастерские и наоборот. Младшие сестры и средний брат – Мари, Софья и Михаил, - уже варили мыло, даже придумывали свои уникальные рецепты – такое мыло покупали у нас с охотой, особенно сердобольные дамочки. Я и старшая сестра Маргарет вели учёты, тоже принимали участие в мыловарении. Отец искал клиентов, связи, основы и масла, одним словом – занимался основой всех основ нашего дела. Мы все знали, что лавка перейдёт в мои руки после отца, и я относился к этому очень серьёзно. Мы всегда были

дружны, были довольны тем, что у нас было, помогали друг другу, рассчитывали на самое светлое будущее, пока...

Отец женился, вернее – пока только обручался, на Летти, двадцати пяти летней девушке. Самому отцу только исполнилось тридцать, так что она была под стать ему. Молодая, влиятельная, божественно красивая - ну какой мужчин не растает перед ней? Не растает - мы не растаяли. Эта женщина мне сразу не понравилась, разница у нас с ней была буквально два года, это меня напрягало, потому что эта гнусная особа строила глазки всем в нашей семье, если ей что-то надо, а что вообще бесило – строила именно мне! Как-то раз мы с Маргарет возвращались с рынка и заметили, как эта бездушница гуляла с Луисом – наши постоянным покупателем. И прогулка у них была явно не дружеская. Мы не говорили ничего отцу – после матери он не смог оправиться, да и сердце вдруг резко дало сбой. Если он узнает о развратности Летти, то можем остаться без опеки. Нам это совсем не нужно – малыши не готовы к такому удару, а старшие и вовсе не смогут – мы ещё не всё знаем, что знает наш папа.

Но как-то так случилось, что отец сильно приболел, исхудал, побелел, дело дошло даже до того, что он упал прямо в лавке на виду у всех! Мы не стали медлить – вызвали доктора. Мы были поражены его выводом – возрастные изменения. Мы просто не могли поверить в это – отец был здоровее любого дровосека и крепче любого кузнеца. Собрал средства на всевозможные средства, мы начали лечить его, покупали самые дорогие и сильнодействующие лекарства, но ничего не помогало. В один день мы с ужасом обнаружили, что у него начали разлагаться ткани мышц и даже костей! Доктор сказал, что в скором времени отец может умереть в страшных муках. Он предложил ввести вакцину, чтобы он не мучился, то есть – умер. Отец согласился, мы не стали возражать – лучше умереть от лекарства или яда, чем от адской боли. Он простился со всеми нами, не успел только с Летти, чему мы обрадовались. Некрасиво, но в душе мы порадовались хотя бы такому её поражению. Похоронили мы отца с полным парадом – надгробие было достойно любого мыловара и просто хорошего человека, который этого заслужил. Все мы плакали над его могилой. Кроме Летти – она стояла с самым прискорбным лицом, но не проронила и слезинки. Её стойкости поразились все, но нас это раздражало – как она могла не плакать?! Мы надеялись хотя бы на то, что она заплачет ночью, но и этого не произошло – она сидела в папином кабинете с затворенной дверью и с кем-то очень тихо говорила. Все мы насторожились, как оказалось – неспроста...

Через неделю в нашу лавку зачастили мистер и миссис Чайлденсы – они держали дом для сирот, передававшийся им по наследству. Говорили, что они хорошо содержали своих опекунов, собственно – это было правдой. Мы сами довольно часто ходили в этот дом, чтобы посмотреть на бедных детей и чем-то им помочь. Но нас напрягло то, что они постоянно что-то обсуждали с Летти, подписывали бумаги. Мы пытались не обращать на это внимание, думая, что Летти просто-напросто решила договориться с доставкой мыла им в приют, но оказалось хуже. Одним вечером Летти созвала нас на обед, изобилие блюд нас поразило. Но мы не притронулись к еде, а вот Летти ела с наслаждением, вечно вздыхая от наслаждения, пригубляя вино и медленно поедая десерт. В конце концов, мои нервы не выдержали:

- Летти, мы не собираемся сидеть молча и ждать неизвестно чего. Зачем всё это? - спросил я.

Видно же прекрасно, что Летти что-то скрывает или хочет сказать.

- Ну, какой же торопыга! Ну ладно, чего уж тянуть время... Видите ли, милые мои, это я убила вашего папеньку.

Говорила она это с издёвкой и явно с наслаждением растягивая слова. У нас же их вообще не осталось. Тем временем эта прохвостка продолжала свою речь:

- Мне пришлось изрядно постараться, чтобы добиться его лавки – сама бы я не смогла достать денег, а ваше дело очень прибыльное. С обручением было довольно легко, а вот с ядом пришлось повозиться. А теперь, когда лавка осталась без хозяина, я имею полное право ею заведовать.

- Постой-ка! По праву старшинства я должен владеть мыловарней!

- Да-да! - загоготали мальчишки.

- Замолчите! - она настолько резко встала и приняла такую устрашающую позу, что мы все притихли,- Твой папаша не оформил на тебя документ, чтобы передать тебе лавку. А я его ближайший родственник имею полное право на её владение, а так как вы мне не родственники, то я могу упечь вас в...

Тут Софья заревела, тихо шепча "Боже, как же можно!".

- Можно... - злорадно проговорила она, это бездушное создание Ада...

Мы собрали вещи в тот же день, вся лавка нас провожала, а Летти даже не вышла. Чайлдсены ласково гладили девочек и братьев по спинам, я же смотрел на лавку, обещая себе, что когда-нибудь верну её нам, чтобы эта гадина и змея навсегда забыла дорогу к нашему дому. Расставаться было просто невыносимо, но мы надеялись и надеемся, что мы вернёмся...

Загадки чужой души

♪ Пелагея – Мамина Босанова и Деревня

Вот уж не думал, что просто путешествие автостопом по только что новой РФ, ранее – процветающее СССР, - обернётся для меня вот таким вот неожиданным поворотом. По обычаю, я решил переночевать не в местном поселении или на его краю, как это делают большинство моих сородичей по делу, а вблизи него, но чуть дальше – на кладбище. Вы подумайте, что я сумасшедший. Ха, наверное. Думайте, что хотите, но просто ни один нормальный человек не сунется к покойникам, потому шанс быть убитым-ворованным у меня падает. Ну а если что – я отношусь к усопшим с честью, всегда извиняюсь перед ними, прежде чем улечься близ могилки. Мне вообще дядя Миша говорил: "Пойдёшь на спор – идти на кладбище ночью али как, соглашайся. Нет там ничего страшного, это для виду

пугают, а так то - тьфу!". Он сам-то сторожем был на птицефабрике, а она вблизи кладбища была, даже кресты было видно... В этот раз меня поджидал довольно приятный сюрприз при пробуждении – возле могилы стояла девица, скорее, из деревушки, что не подалёку. Беленькие туфли, белое платье, на плечах беленькая шаль. Ну прямо красавица, если вы посмотрите с точки зрения человека, который вырос в деревушке. Она сидела на корточках возле могильного камня с гравировкой – оружие и тушки уток,- и всё время его гладила. Иногда слышался её тихий голосок: "Всё хорошо, дедуль, всё хорошо у нас. Тётя Глаша недавно из города приехала, привезла нам с бабушкой кулёк конфет. Шоколадных..." и прочее.

- А чего тихо? - спросил я, потягиваясь.

- Будить боюсь,- улыбнулась она, не отрываясь от своего дела – всё ещё гладила камень.

- Дед твой?

- Угу. Недавича похоронили. Вся деревня его любила, даже, вон, какой камень поставили. Жаль, не видит, ох, жаль...

- А чего по-парадному?

- Да сегодня в клубе танцы. Я для виду оделась, решила не ходить – бабушку мне расстраивать не хочется.

- Понятно,- я встал, подхватил гитару-рюкзак, и, помахав на прощание рукой, двинулся дальше. Асфальт и песок были горячими – я ходил сейчас без сандалий. Наверное, всё же вернусь к теме того, где я родился и вырос. Моя деревня была небольшой, для того, чтобы вы сравнили – это примерно вся Красная площадь в Москве, может – чуть больше, чуть меньше. Отец у меня ушёл из дому в возрасте тридцати шести лет, мне тогда было четыре. Может, пошёл на охоту и не вернулся – не знаю, маме больно об этом говорить. Я был единственным кормильцем в доме, когда подрос, а у матери стали сдавать глаза. Сейчас мне где-то за двадцать. Я не считаю свои года – если их считать, то ты не почувствуешь вкуса к жизни, и будешь до конца своих дней считать и считать. А люди, считая свои года, считают годы до своей смерти. Я лично такого мнения придерживаюсь. Потому я и решил отправиться из родных краёв в чужие – захотелось увидеть Россию. Автостопом я уже брожу пять лет, с рюкзаком и гитарой без одной струны, буквально с пятью рублями в кармане. Домой пишу через раз-два, мама пишет много, но половины её писем я не застаю, и за это мне ужасно стыдно. Но и домой я не тороплюсь – даже не знаю, почему меня не зовёт родной дом. Потому я так люблю ходить не по огромным городам, а по маленьким селеньям, как эта деревня. Всё это мне напоминало моё детство – жёсткое, но счастливое детство. И я улыбнулся той самой счастливой детской улыбкой, как только услышал музыку ещё на противоположном берегу речки...

Ммм, люблю запах деревни – молоко, бензин, сургуч от почты, даже этот навоз от коровника и свиарника – будто родное. Тут же вспомнил маму, дед Арсена, творожок и сливочки на хлебушек, да с вареньем маминым, церквушка помню была. Давно не был дома, действительно... От клуба, по со вместительностью – библиотека, место собраний и ларёк со всякой приятной всячиной,- шла музыка, но баян. Наверное, там концерт. Сходить бы? Вот хорошо же иногда ходить по кладбищам однако, хах... Да, концерт. Остался до конца – и стихи были, и хор бабулей, танцы детские – интересно было, короче говоря. Ну, кто привыкший. Потом танцы были конечно же. Не увидел той девушки, наверное, таки осталась с дедом. Да, бывают же по деревням такие вот люди-загадки.

- А вы приезжий, молодой человек, - окликнул меня чей-то старческий голос. Повернулся – самый обычный старик, повидавший в жизни больше, чем говорит в своих рассказах. На вид – чисто дядя Миша из «Любовь и голуби».

- Неужели я так сильно выделюсь? – улыбнулся я в ответ.

- Ваша макушка мне не знакома. Я здесь каждую голову знаю, даже не по имени, сколько по волосам и тумакам, которые я всем должен задавать, чтобы не расслаблялись.

- Дед, вы уж не сердитесь. Я мимоходом прошёл...

- Я не о том. Оставайся. На кладбищах-то не всегда мягко спать.

- А вы откуда прознали? – ухмыльнулся я.

- Я, сынок, всё вижу. Это деревня для меня всё равно, что для тебя ноги и руки – я за ней слежу и присматриваю. А ты не городской человек – понимаешь нас.

Мудрый старик. И внимательный. Но я всё же не смог ему ответить положительно:

- Нет, дед. Не могу.

- Почему же?

- Сам не знаю, - честно ответил я и отошёл к дороге. Если быть честным, я действительно не знал, почему не хочу здесь оставаться. А может быть и знаю – потому что мне было больно видеть эту деревенскую жизнь, потому что она мне напоминала дом, маму, мою речку и МОЮ судьбу. И в сердце защемило от этой правдивой мысли.

Всё же решил тут задержаться. Одна бабуля со здоровенным огородом и скотом приютила на ночь. Славно у неё поработал, в радость даже было. Совсем уже отвык от такой работы – голова-то помнит, что и как делать, а тело почти уж всё забыло. Но усталость приятная была. Прополосал грядки, натаскал воды в баню и на кухню. Пока бабушка – её звали Клавдия, - мыла полы в доме, я погулял с её копытными. Даже трудно представить, как она одна весь этот двор содержит – пять коров, семь овец, столько же коз и немереное количество гусей! К шести часам пригнал всю эту ораву домой, некоторые старики и те, кто не пошли на танцы кликали: «Кто такой?», «Чего здесь делаю?»; главное то, что никто не сердился. Давно, давно не видел такой простоты души и доброты в людях – городские обычно всегда злые и подозрительные, даже те, кто подвозил хоть на машине, хоть на велосипеде – все они почти одинаково алчные и совсем не человечны. Потому я так был шокирован атмосферой деревни – она живёт очень просто и по привычке да по старинке. Думаю, как раз из-за этого я и остался здесь на ночь, потому для меня это было так резко и неожиданно. Наверняка – меня сложно понять, но я знаю точно – поймёт только тот, кто жил так, как жил когда-то я в детстве до своих юношеских лет.

Началась вечерняя жара, та самая жара, которая не жарит, а нежно и заботливо обволакивает тебя своими объятиями, как руки заботливой матери обнимают своего ребёнка. Танцы в деревне продолжались, где-то на брёвнах да на закладах* сидели мужики и пили квас, который я изначально принял за пиво. Где-то на плотинке** слышались смех и крики, песни – там сейчас купались и жгли костры. Где-то поближе к лесу, на отдельных соснах, качались на лёгком ветерке качели со своими седоками, играющие романсы Есенина и Маяковского на гитарах и подпевающие тихим, не менее, романтическим голосом. А я сидел на поваленном дереве и играл с водой, переваривая

блины, рыбной пирог и сливочки – густые-густые, мягкие и нежные, и хлеб, домашний, заботливо приготовленный Клавдией. В тот день, пока не стемнело и не закрылась почта (как ни странно, но в этот день она работала), за 6 копеек я отправил телеграмму маме в деревню, предвкушая тягостное ожидания. Помню как чётко выговаривал чуть ли не каждую букву, проверял написанные несколько быстрым и невероятно косым почерком слова: «Приеду скоро жди Сын»...

* **Закладины** – брёвна, опирающиеся на почву или другую опору. Иногда сколоченные досками. Иногда закладиной могут назвать доски над печкой.

** **Плотинка** – тоже самое, что и плотина. В данном случаи – место на реке, где шоркают ковры.

Тринадцать тысяч лет спустя

♪ *Остролист – Бюргерская*

Фуу! У меня что – крыс под кроватью хоронят? Вонь нереальная! Так, стоп – какая ещё вонь? У меня в доме горничная так-то. Она что, совсем перестала работать? Или я так поздно?.. Вот чёрт!

Ах да, меня зовут Гельдманд – хранитель здешних лесов. Я живу в самом огромном дубе с самым роскошным дуплом. У меня в запасах всегда есть орехи, корешки, ягоды и самые отборные поганочки – всё как я люблю. А ещё у меня была – ключевое слово,- горничная – ленивая мелкая сорока. У неё просто кто выдернул перья из хвоста, так она теперь летать не может. Ой, не могла – совсем забыл эту фишку, что у меня это когда-то было. То, что если я совсем наемся и напьюсь, то могу заснуть на неизвестное количество времени. С отчаяньем посмотрел на рубцы в потолке и на кольца дерева – по ним я легко вижу, сколько не бодрствовал. Ууу, теперь понятно, почему у меня такая вонь – за эти тринадцать тысяч лет мой дуб срубили, а сам я упал в кладовые. Там и остался. А воняло, потому что всё, что сюда падало, гнило...

О чёрт – только сейчас дошло, что я в этом помойном ведре до сих пор валяюсь! Не знаю, кто и что могло обладать такой скоростью, но я вылетел из этого нужника быстрее ветра, даже пули самого умелого охотника. Ууу блин – нос расквасил... О камень? Так, стоп – откуда в лесу камни? Я всю нашу землю изучил, но чтобы хоть один камешек был – впервые вижу. Верне сказать – чувствую, носом. А тут такой огромный, и что главное – ровный. Отродясь про таких ровных ни од одной птицы не слыхивал. Тут мои заляпанные глазёнки открылись и узрели... Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста – пусть подумает, что я ёжик! Я ёжик, я не игрушка! Обещаю, о великий Сварог, я больше не буду кидаться в белок шишками, не буду травить на медведей охотников, не буду пить самогон с зайцами, прошу только об одном – пусть подумает, что я ёж!!!!

- Фу, какая огромная крыса! – завизжала девка.

ЧТО??!! Я??! КРЫСА????!!!!!! Не, народ, меня ещё никогда так низко не опускали!

- Сама крыса – толстая как тысяча кабанов осенью, - обиделся я.

Мама родная – я думал, что оглохну! Оу, так ещё и получу бесплатный урок на тему "Как правильно ругаться и выражаться в шокирующем состоянии". Да, совсем детишки невоспитанные пошли...

Ну ладно. Не обращая на вопли и тошнотворные позывы девчонки, я встал и оглянулся. Ну и ну – какие-то дома ненормальные (хотя, они всегда ненормальными), какие-то странные штуки – даже не поймёшь что,- летали и витали в воздухе. Те, что повыше, похожи на птиц, совсем деревянных, потому что крыльями не машут. А у других вообще колёса были – мчатся быстрее царского коня! Ужас – что бы сказала моя покойная матушка! А люди ещё смешней – какие-то странные кузова у них в руках, или коробки, только с верёвками и кожаными лоскутами, и носили, к слову, не только в руках, но и на спине. И одежда у всех странная – ни рубашек, не портков*, и лапти с сапогами странные. Но что меня вообще поразило – девушки любого возраста, почти все, в брюках ходили! Да ещё в длинных таких, и ноги эти штаны обтянули, будто удавка какая-то. Ой, мне даже жалко было их, девок-то, даже слеза пошла...

Ой, обманываю. Это от меня так несло, что даже слеза пошла. Не, я больше эту вонь терпеть не собираюсь. Ковыляя, полными от всякой сгнившей ерунды, лаптями, я зашагал по улице – буду искать хотя бы лужу. Но не дали мне спокойно хотя бы её найти... Не, ребята – я себе продолжении лекцию и сольный концерт не заказывал! Да ещё и в собрании пьяных мужиков, которые только продлили моё "удовольствие" от этой образовательной программы.

Но мои труды были вознаграждены – я всё же нашёл лужу. И, не долго думая, в том, что было, кинулся в воду. Все, кто был вблизи, разбежались, включая помойных котов и зажавшихся червяков. Не удивлюсь – кому понравится вонь от такого букета ароматов? Но вот реально – уже бесит эта опера! Когда мылся, присмотрелся – купаюсь я в какой-то сломанной чашке на земле, и на меня птицы такими офигевшими глазами пялились – я чуть живот не надорвал, честное лесное!

Но сам пейзаж вокруг понравился – деревья, высокая трава, право мусора многовато... Короче, теперь здесь живу. Убираюсь всё время, даже приучил белок и каких-то жирных голубей клевать траву, чтобы красиво было. Только ленивые и медленные они жутко все – прямо, как моя помершая сорока. Но мне тут нравится – живу в старом гнезде на ели, возле у самого ствола – там тепло, сухо, дождь и снег почти не достаёт, и место много. Подстроил его хорошенько, в стволе дупло проделал, там у меня сейчас кладовки и приют для больных зверей – в этом городе уж больно много хулиганов, которые любят настругаться над бедными беззащитными животными. Сам тоже не без дела сижу – где кустик посажу да подстригу, где цветы прополю, где скамейки очищу от похабных слов, дорожки подмету. Я после узнал, что место, где обосновался, называется парком, вернее говоря – сквером. Раз я теперь вроде как хозяин, прибираюсь, командую, да слушаю, что люди говорят. Приятное слышу: «Раньше грязь грязью, а сейчас прямо всё зацвело и дышится тут хорошо». А сам смеюсь над этими розявами, которые должны за моим сквером следить – они же ничего не делают, вот и вопрос у них и стоит – кто ж тогда всё здесь так красиво и хорошо делает.

Одним словом – живу очень даже хорошо, а пью такую гадость, называется кофе из зелёных бобов. Говорят, худеть помогает и реально после неё спать не хочется!

*** Порты** – старинная славянская одежда, мужские штаны.

Морковный пирог с ядом

♪ *Король и Шут – Ведьма и Осёл*

Я была потомственной ведьмой. А если вы знаете, хотя бы на слуху, какой у ведьм характер, то вы легко поймёте, в какой я могу быть ярости. Вот и сейчас я готовила план нереальной мести этому хмырю. Нет, вы не думайте, что я накладываю на него порчу – Максутка такого не достоин. Я готовила кое-что эксклюзивное – его любое блюдо, но с сюрпризом.

Макс был самым лучшим на свете парнем – красивый, знатный, отличник, высокое положение, репутация среди студентов. Но знаете – и мы не лыком шиты. Я была наравне со многими красавицами института – рыжие волосы вьются в живописные колечки, улыбка мамина – широкая и приветливая, фигура, ноги от ушей, но вот только характер ужасный. Ну чем не два сапога пара? Конечно пара! Два года за мной бегал, как собачка, пока сама не влюбилась по уши. Но вот оказались мы очень ревнивыми, очень свободные и требовательные до своих желаний. Вот как раз нас это и приводило к стычкам и ссорам, но потом мы мирились. И снова возвращались на эту карусель. И вот мы снова закружились по ней, но только не смогли остановиться. Так получилось, что мы с ним разругались на этом чёртовом фестивале "Доброе дело" – я хотела отдать наш общий заработок, который мы получили за уход за старушечками, на благотворительность, а он хотел их вложить в нашу будущую квартиру – мы уже надеялись на совместное будущее. Но ЭТА ссора перешла все границы, и привела к тому, что этот гадёныш, на зло мне, переспал с этой мымрой Стужевой!..

На зло мне, значит? Хотел меня приревновать? Обломись! Я тоже умею мстить! И похлеще таких уродов, как ты, харя безмозглая!!!

Я давала себе обещание никогда больше не возвращаться к этому, но он просто не оставил мне выбора – я была зла, а злилась я долго и с особым умением. Так что я даже не передумывала, когда поставила свой кулинарный шедевр в духовку.

Макса я встретила радушно, он уже прилип ко мне с поцелуями, трогая неприличные места, явно нарываясь и таким образом "просил прощения". Я же искусно изображала объект заботы и пламенной любви, и с трудом оторвала его от себя. И да – если вы думаете, что я ему этим всё простила, то вы глубоко ошибаетесь – я ликовала внутри. Это значило, что мой план точно сработает!..

- Мммм, что-то печёшь? - принялся он, всё ещё держа меня за место ниже копчика.

- То, что ты любишь,- загадочно улыбнулась я, обнимая его за шею и даря один поцелуйчик.

- Неужели морковный? - радостно спросил он.

- А какой же мне ещё печь?

Он просто обожает морковные пироги. Я и сама их полюбила, когда он дал мне его попробовать впервые, даже специально научилась сама печь. Но сегодня он будет самым невероятным – я в этом уверена на все сто процентов. Из духовки достала только коржи, осталось их смазать варёной сгущёнкой, покрыть кремом и добавить ко всему этому шоколадную посыпку и чернику. Получилось ну прелесть какая красота!

- Выглядит заманчиво,- облизывался Макс, кидая в рот ягоды, которые отбирал из моих рук.

- Было бы ещё заманчивей, если бы не воровал у меня ягоды,- проворчала я, беря ещё одну. Он же и эту перехватил, только моей рукой положил её в рот. А после и вовсе перехватил за талию и снова начал целовать. Ой мама – он же меня к столу прижал! Я вырывалась, но не давал мне такого повода и прижимал ещё сильнее. Кажись у кого-то крышу сорвало.

- Мак... пиро... разда...

Отлепился. Слизень, блин – раньше лизаться надо было! Но не отпустил, даже тогда, когда я резала пирог, положила кусочек на тарелку и повернулась к нему лицом. Не отпуская, смотрел прямо в глаза самым влюблённым взглядом.

- Может, отпустишь?

Не отпустил, лишь коротко и нежно поцеловал и, прижимая свой лоб к моему и сказал:

- Да не спал я с этой мымрой. Я специально попросил Махыча тебе сказать. Ты ведь любому слову веришь...

Сказать, что я была в шоке, значит – ничего не сказать. А ведь он прав! Я ведь верю любому слову, даже не разбираюсь никогда – как услышала, так и поняла. И нет никакой другой версии, как вы мне её не навязывайте...

- Хочешь ты эти деньги пускать – пускай куда хочешь. Я сам хорош – веду себя, как маленький мальчишка...

Не успела я опомниться, как он потянулся к пирогу и откусил приличный кусок. Нет, нет... Нет! Блин.

- Выплюнь,- ласково попросила я, но тот лишь удивлённо взглянул на меня и проглотил! И тут его хватка начала ослабляться, глаза закатились, и он медленно упал на пол – яд действовал моментально. За его телом упала тарелка, оставляя после себя стеклянные осколки и кусочки пирога, от которого откатились ягоды.

Я упала рядом, минуту молчала и после зарыдала – сначала тихо, потом уже орала. Как я орала! Я обхватила его тело руками, пытаюсь выгнать из него этот кусок. Но даже если я и выгоню, ничего не выйдет – яд уже был активирован. И к жизни нельзя уже вернуть – он умер окончательно. Яд я выбирала такой, чтобы все жизненные функции обрывались моментально.

Я так просидела... Да фиг знает, сколько я так просидела – неважно! Я плакала, прижимая его обмякшее тело к себе, гладила его длинноволосую голову, иногда до боли в ладонях сжимая локоны. Из него уже начали выходить биологические жидкости, как принято любому трупу – мне было пофиг. Только сейчас я поняла, что я оказалось ничтожно тупой, сделав такую огромную ошибку, отравив его любимым пирогом. Только сейчас осознала, как сильно его люблю, даже после измены этой я бы его простила, будь оно именно так! Да что за!..

За окном уже начало темнеть. Я же выгнала из своих слёзных желез всё, что они могли и не могли из себя выжать. И тут мне стало страшно – как же я без него буду?! Как?! Он же умер, а я не смогу найти ему замену – он один такой... И тут моя рука нащупала целую часть пирога, от которого я отрезала всего кусочек. Тарелка со стола упала вниз, повторяя подвиг предыдущей, разбиваясь вдребезги. Я же рукой толкала в себя этот треклятый пирог, почти не чувствуя вкуса. Начинка и крем смешивались с синими ягодами, марая моё лицо. Когда из меня ушла сила толкать руку в рот, я примкнула к носу Макса, потом и губам. Силы оставляли меня, а я целовала его, даже тогда, когда закрыла глаза...

У меня началась паника... Да какая паника – паничища! Я была готова орать, я металась из угла в угол, но меня взяли за руки, усадили в кресло, пожурили и ушли. Сидящие по бокам Людка и Ленка держали мои руки, хотя сами дрожали – конечно, всего минута! Таааак мааааалоооооооо!

- Даш, ты чего – ручку решила перегрызть? - спросил Валерка, который по слухам сох по какой-то девчонке из нашего класса.

Блин, я уже колпачок стрызла... И видимо перегрызла! Во рту всеми своими вкусовыми прелестями заиграла паста.

- Дааааш. Ну реально – будто мы шас все помрём...

- МЫ ВСЕ УМРЁЁЁЁЁМ!

Людка ударила меня по губам. Да так, что зубы затрещали. А я же уже ревела – тихо, но слезы уже по шее потекли. Горе-учитель и горе-медик принесли мне щедрую порцию настойки валерьянки, которую, наверное, припасли для себя. Но раз тут такое дело...

Мне казалось, что жизнь кончена. Казалось, что все свои 16 лет я была бездарной и неблагодарной девчонкой, которая сейчас ничего не сможет сделать. Ничего! О Господи – почему я не родилась в один год с моей бабушкой, или мамой! Они прожили жизнь, а я ещё ничего не успела! Да у них и легче было, если верить рассказам. А нам что - отдуваться за бомжей, которые теперь живут под трубами??? Ну почему тааааак!...

- Ученики, входим!

Меня прямо подняли с кресла, протащили в кабинет, выдали бланки с текстом "Бланк ответов №1" и внизу печатными буквами было выведено "Русский".

Конец света начался!

Любовь зла

♪ *Cocoop (Кокун) – Tell me*

Все проклинали несчастное зло, говорили:

- Фу, нет ничего ничтожнее и противнее Зла. Оно ужасно в своих поступках, уродливо, подобно демонам Преисподни! Не водись с ним – оно хорошему не научит.

Но Зло было вовсе не страшным – просто она видела приоритеты в жизни совсем другими, и считало, что именно Добро ничему хорошему не научит. Скажу по секрету – это Зло даже красивее Добра, и не зазнаивается в отличии от своей противоположности. Вы бы знали, как она плакала мне в плечо и говорила, что оно совсем не виновато - просто так получилось, что Добро больше оценили, чем её.

- Все говорят, что и никого не люблю и не вижу, кроме себя. А я вижу каждого! Я тоже хочу всех приласкать, налить чаю и рассказать действительно хорошие истории, с хеппи эндом. Думаешь, я не люблю счастливые концы – я их обожаю! Я люблю красивые сказки, и сама их придумываю и записываю в тетрадку. Я тоже смотрю на звёзды и закаты – они так прекрасны. А разве Добро когда-нибудь тебе такого скажет? Она только учить будет, а я хочу делать вас счастливыми. Но меня совсем по-другому воспитали – что же, я после этого во всём виновата?!

Я читала её сказки – они такие смешные и увлекательные. А Чай! Ах, никогда ничего вкуснее ни видела, ни нюхала, ни пила. А ещё оно знает все созвездия и показывает всё самое красивое в природе. А Добро... А Добро показало мне только города и цивилизацию. И зажавшихся этим самым "Добром" по горло.

И после этого вы скажите, что Зло совсем никого и ничего не любит?! Хах, вы только разглядите в этой девчущичке что-то светлое, поймите и увидите, что Зло не такое уж и ужасное...

Сон в руку

♪ Людвиг ван Бетховен – Лунная соната (Соната для фортепиано №14)

Вы иногда говорите в окошко примерно такие слова "Забери ночь мой сон". И вы думайте, именно она их забирает? Нет, она только относит их мне – Эребусу. Каждый раз, получая сны, даже не те, которые вы провожаете, мне приходится их разбирать по разным отделам. Храню я их в хрустальных, рубиновых, изумрудных и аметистовых шкатулках, которые в свою очередь поделены на маленькие разделы. Ваши сны похожи то на бабочек, то на пауков, а у некоторого человека они похожи на каких-то смешных мохнатых чудиков, но в основном ваши сны – это насекомые. Все шкатулки – это отдельный человек, а насекомое показывает содержание сна и что вы из себя представляете. Я храню все сны, даже тех, кто уже мёртв более 6000 лет, но только у людей – звери слишком примитивны, а в вашем мире говорящих существ изгнали прочь ещё до того, как люди начали шить себе одежду из тканей.

Но вот, как-то раз, прогуливаясь после работы, что бывает не очень часто – работы ведь много, - я увидел в окне какую-то девушку. Нет, даже не девочка – уже девушка, но не совсем – только начинает ею быть. На вид даже 17 не дашь, но и 14 ей тоже не припишешь. Короткие волосёнки, блестят при слабом освещении стареющего тонкого месяца, одно плечо оголено. И этот грустный взгляд. Я понял, что она провожает луну, потому что смотрела только на неё. И тут увидела меня! Сидящего на верхушке сосны, сжимающего в котомке скудный паёк – крошки, которые остаются от звёзд. Она смотрела теперь только на меня, неверующим, радостным, не по-взрослому восхищённым взглядом. По губам смог прочесть:

- Ты собираешь сны или просто охраняешь их?

Как?! Ведь люди ничего про меня не знают! Как она смогла такое узнать?!

- Ты смешной. Хотя нет – ты интересный. Жаль, что ты не подходишь...

Упс! Надо бы подстричься потом... Но нет, нет! Ей нравились мои лохмотья, смозоленные стопы и длинные волосы. И на котомку она смотрела голодным взглядом любопытна и человека, хорошо знающего, что там.

И тут она что-то шепнула в ладонь, открыла окно и замахнулась рукой. Из ладони полетел... Кулон. Тем временем она помахала мне рукой, как только убедилась, что я его поймал, и исчезла в темноте комнаты. Приглядевшись, я понял, что поймал зафиксированный в неживую оболочку сон. Смешно - сон в руку. Но мне стало интересно - что же там?

Я вернулся домой, по кулону нашёл её шкатулку. Себя она значила двумя буквами, тремя именами, одно – мужское. Я посмотрел содержимое – ох, бедное существо, почти одни кошмары, да ещё какие! И некоторые из них вещие. Мне стало страшно, и очень жаль её – я выдержала во снах революции, роды и потери новорожденных детей, поцелуи и предательства, насилия, утопления, раны, потерю конечностей и множество других невероятных вещей. Но самое главное – она страдала, страдала ради своих близких, и мстила во имя доброты, даже тогда, когда поддавалась злу. И сны у неё были странной формы – бабочки, огромные огненные бабочки. Что ж это за человек такой – видит кошмары, а сны прилетают ко мне бабочками? Я посмотрел на кулон, прощупал его и услышал мысль:

"Я хочу творить сны – для вас и для других людей. Я хочу, чтобы в этом кулоне были те моменты, которые позволяли мне быть во время сна счастливыми". И я увидел их – всё, что она смогла вспомнить. И это было так поражающе, у меня даже слеза пошла. Невольно я

восхитился и испугался одновременно. Но после того момента я пытался во время своей прогулки хотя бы секунду посидеть на той самой сосне и дать людям эти толики прекрасных моментов из кулона, который я теперь носил на шее, на длинной золотой цепочке...

Ум пополам

♪ *Flëur – Будь моим смыслом*

Я и Дин как-то заспорили, что у меня слишком много ума. Ну как? Вообще мы сидели на старом мосту, по нему уже не ходили и не ездили, а мы сидели и смотрели на ручей внизу и солнце. И вот он завёл этот спор. Он не завидовал, просто больше любил комиксы и фильмы-фентези, а я занималась философией и сочинением. Потому у меня оценки по таким предметам, как языки, литература и обществознание давались мне довольно легко. В то время, как Дин хорошо справлялся только с литературой и математикой. И вот он предложил, шутки ради, поделиться умами. Я согласилась, и мы это сделали. Как? Да просто – мы запускаем руки в волосы и вытаскиваем из них светлячков. У меня – голубой, у него почему-то розовый. А потом прячем этих светлячков. Я повесила своего, как серёжку, на одно ухо. Он вплёл в волосы – у Дина вообще-то не длинные волосы, просто у него есть один длинный локон, в который вплетена ленточка и деревянные бусины. И вот мой светлячок стал этакой бусинкой, на самом кончике локона. Мы договорились их носить ровно неделю – точно через это время у нас начнутся летние каникулы. За эту неделю мы должны были заработать оценки, которые могли ещё исправить положение. У меня выходила четвёрка по математике, но я могла бы получить и пять. И тут! О чудо – светлячок помог! Не знаю, как это работало, но я стала лучше решать и делать вычисления – раньше я делала ошибки в цифрах и путала иногда формулы, их применение. Но сейчас у меня всё выходило куда лучше. И в правду – начала вырисовываться пятёрочка. А вот по философии и обществознанию я немного расслабилась, потому что казалось я немного не долавливаю, но меня и не спрашивали – как никак, но я всё же отличница по ним, а спрашивать сейчас лучше тех, кому это действительно нужно.

За эту неделю мы с Дином не виделись, будто наши светлячки не давали нам этого делать. Да я и сама заметила, что начала заходить в книжный, чтобы посмотреть какой-нибудь комикс. К урокам я почти не готовилась – зачем, ведь почти ничего не задают, кроме языков и математики. Одним словом - я просто расслаблялась.

Но вот неделя прошла, мы снова встретились. На том же мосту.

- Ну что, как моё насекомое? - спросил он. Я же сняла светлячка, и запустила его в волосы Дину.

- Спасибо, очень помог,- улыбнулась я, слезая с моста, через перила. Когда я встала на камень, он перехватил два пальца и спросил:

- А как же твой святляк?

Я замешкалась. Оставить или нет? Я не могу дать надолго чужое, но подарить своё – могу не раздумывая...

В конце концов, я приняла свой светлячок. Но больше я Дина не видела – может, обиделся, я не знаю. Но мне кажется, у него была другая причина. Я поняла это ещё тогда, когда читала комиксы. Не знаю, при чём тут эти несчастные частички наших мозгов, но видимо именно из-за них он так и не решился признаться...

Проклятый дар

♪ *Мельница – Лента в волосах*

Влада боялся весь город. Он ходил там, где водятся только черти и колдуны, он собирал травы, которые используют только для шаманства. Его боялся даже Папа, ибо слишком верующим парнем был Влад. Всегда соблюдал посты и приходил на службу раньше всех, чтобы поговорить с Богом перед началом. Ещё ходили слухи, что у Влада был проклятый дар – его мать будто заключила сделку с самим Сатаной, чтобы он наделил её сына даром зельеварения. Потому все и боялись юношу – ведь он мог ненароком отравить кого-нибудь, навести порчу своими варевами, приворожить кого угодно...

Как-то в городе объявилась новая семейка, они жили чуть ли на самом верхнем этаже, у них из вещей был только один сундук – старинный, кованный, в нём и хранилось всё добро семьи. И была собственно семейка небольшой – мать-отец да дочурка лет шести, наивная и добрая. Конечно же, в первый вечер своего приезда все слухи, блуждающие в этом городе дошли до них, исключением не стали рассказы о Владе. Дочурка, Лилит, слушала, открыв рот – она была в восторге от всевозможного колдовства, но рассказы этих грязных людей её очень шокировали. Как добрый человек может быть злым ведьмаком? Но ей в тот же вечер строго-настрого запретили выходить по вечерам на улицу, чтобы не наткнуться на шаманщика.

Лилит жила в этом городе припеваючи, родители её нашли себе, наконец, хорошую работу, потому могли позволить себе лишнюю льняную рубашку или краюшку хлеба. Девочка в основном игралась с местной детворой, но они ей скоро надоели – все они мечтали стать великими рыцарями или королями, подобно королю Артуру и его сподвижникам, в то время как девчонка мечтала о великих открытиях, подобно знаменитым астрономам или мореплавателем. Потому Лилит уходила подальше в заросли, игралась с неизвестными ей цветами, но когда она ходила в город с букетами и венками из них, то все невольно сторонились её – ведь это были колдовские травы, те самые, которые собирал Влад. Родители девочки сразу же отбирали у неё всю красоту, выбрасывали в окно, и сильно ругали, порой пороли и оставляли без еды. Ведь все начали подумывать о том, что девчонка помешалась с демоном и теперь ходит за Владом помощницей...

Но как-то раз Лилит забрела так далеко, что набрела на странного юношу – босые ноги, хороший тёмный плащ, огромный мешок на лямках висел на его худых плечах, длинные, до плеч, ореховые волосы обрамляли красивое лицо. Он смотрел на девочку огромными зелёными глазами, наполненные добротой и нежностью. В руках он держал как раз те цветочки, которые рвала Лилит для венков и букетов.

- Что ты делаешь? - спросила Лилит, она была уверена, что это и был тот самый колдун, о котором говорит весь город.

- Я? - улыбнулся Влад. - Я делаю лекарства...

Третий лишний

♪ Немного Нервно – *Cradle Song*

Фуух, холодно-то как! И как бедные бабушки сидят на таком ветру – совсем ведь окочуриться можно! А голубям, которым я периодически кидала хлеб?..

Вообще голуби у нас обитают в самом центре, где находятся булочные, но сегодня они были здесь, а я сама стояла, опираясь о какое-то старое кирпичное здание. Это был магазин игрушек – самый большой и дорогой на вес город. Импортные товары, прямо с места производства, а сколько товара – ужас, даже невольно задаёшься вопросом, кто и как вообще это успевают покупать? Буханка закончилась, учитывая, что последнюю корочку я съела. И для интереса чисто я решила взглянуть на витрину магазина. Ох, какая банальность – в правом углу огромным, с меня ростом, белоснежный с розовым бантиком на шее медведь, в лапах у него сидят обезьяна и три ёжика. В левом углу – в гоночных машинах сидели куклы в розовых платьях и роботы. В середине был пьедестал, на нём внизу – мячи и скакалка, на второй подставке – шарнирные куклы с бездонными глазами, явно из фарфора. И на самой вершине – три куклы. Ручная работа – одна кукла с тонкой талией, в синем платьишке и голубые волосы. Конечно же – это была Мальвина. Справа – Царевна-лебедь, которая из Лебединого озера. И посередине – утончённый и ужасный маг, или колдун. Рваная тёмно-синяя накидка, под ней пёстрый костюм из светлого синего и золотого материала, расшитый бисером. Штанишки, туфли, как у шута – вытянутые носки, закрученные вверх, только вместо бубенцов на одной из ножек сидела миниатюрная лягушка. И лицо страшное, как у Джокера, длинный нос, широкая улыбка и сине-золотая шапка. В руках он держал книгу с пробиркой, палку-посох, на которой водрузились грозного вида огромный филин и жирная ворона.

Он был очень страшным и совсем не вписывающимся, как обычно говорят – третьим лишним. И мне стало его жаль – такого не возьмёт никто, потому что он был страшный. И цена просто запредельная – 20 000 рублей. Точно никто не возьмёт. Но он меня зацепил чем-то, я поняла это когда пришла домой. Целую неделю ходила, и почему-то часто вспоминала его страшное лицо. И как-то невольно заметила, что будто специально на чём-то экономлю – на питании в столовой, на тетрадях, я даже отказалась от наушников и телефона, на которые копила полгода. И поняла почему – у меня скопилось где-то 7000, а сейчас я работаю в магазине, получая чуть больше тысячи. А это значит, что до этих 20 000 мне не хватает буквально чуть-чуть, ещё полгода по копить, поработать и...

Каждый день я покупала хлеб, как дань традиции – кормить голубей, но кормила их только возле этой витрины, и иногда мельком поглядывала на этого страшного колдуна. Всю мелочь, любую купюру я пускала во благо, на карточке не было почти ни рубля – всё

уходила в шкатулку, в которой собралось столько денег, что я не могла её уже поднять одной рукой.

И вот, спустя пять месяцев, через страдания и старания, набрав нужную сумму, я зашла в тот магазин, отдала всё, что накопила, и вернулась домой уже с этим колдуном. Продавщица с удивлением посмотрела на гору монет и купюр, но ещё больше удивилась моему выбору – ведь кто купить такого уроды? На его место посадили куклу совсем не похожую на него – прекрасный принц, рыцарь в позолоченных доспехах. Но он не был этим третьим лишним, который сейчас сидел в моих руках, и как-то улыбался по-другому, будто хотел сказать мне "спасибо"...

Глава II. Тёплая

Звёзды на завтрак

Люся никогда не любила молоко, особенно топлёное. Не любила Люся и кашу, особенно с изюмом, да ещё и на завтрак или на ужин – ей было проще съесть шесть ложек сухих сливок и пачку сухих хлопьев, нежели выпить кружку молока и съесть тарелку каши, особенно овсяной или манной.

И вот вдруг Люся встретила странного торговца, торгующий всякой всячиной, но не такой, какую мы привыкли видеть.

СПИСОК ТОВАРОВ

- *три пачки сушёных синих грибов;*
- *шесть банок розового мёда, в котором что-то всё время мерцало и переливалось;*
- *десять огромных мешков с какими-то железно-голубыми зёрнышками, похожие на маленькие самородки золота;*
- *десять брелоков в виде странных лягушек, а может быть и не лягушек;*
- *огромное количество жвачки размером в добротный кусок домашнего мыла;*
- *семь пакетиков с красивой этикеткой и надписью "Чёрный чай из угля, добываемого на станции "Франкшан-Россия". 3016";*
- *маленькая машинка для выжимания жидкостей из камней и каких-то странных газов;*
- *и две пары красивых до умопомрачения, но ооооочень странных сапог.*

- Что это за товар такой? - спросила Люся, присматриваясь к мёду и машинке.

- А разве вы такой не покупаете? - в свою очередь спросил продавец. Голос у него был несколько грустный, но на самом деле в нём скрылась смешинка и маленькая синяя жемчужинка, упавшая на асфальт. Морской камушек упал на асфальт и затерялся среди других камней – простых и скучных.

- Если скажете для чего это всё – может и куплю.

- Тогда скажите мне, что вы не любите, даже *ненавидите*, - воспрянул духом продавец и достал маленький бумажный пакетик с позолоченной этикеточкой. Люся удивилась ещё больше – очень странные просьбы у этого продавца. Но всё же ответила:

- Не люблю... Высыпаться не люблю – это мешает мне работать. А ещё не люблю цветы, вернее – когда мне их дарят... Ой, точно! Я кашу не люблю, и молоко тоже – такая гадость! Как подумаю об них, сразу же морщусь...

- Ну, вечный сон или вечные силы я вам не дам, и от цветов тоже не избавлю – они мне нравятся. А вот от каши и молока... Могу спасти. Я предлагаю вам вместо каши и молока принимать звёзды.

Люся опешила:

- Как это – *принимать звёзды*?!

- Просто – если вам надо поесть, вы насыпаете звёзды в тарелку и добавляете туда то, с чем едите кашу. Умоляю – только не добавляйте сгущёнку! От этого звёзды тускнеют и становятся чёрными. А если надо попить – просто бросьте в воду одну-две звёздочки.

- Вы мне голову морочите – как я могу есть ЗВЁЗДЫ! Тем более пить – это невозможно!

Но продавец уже насыпал в пять пакетиков огромное количество тех самых самородков до такого, что пакетики чуть не порвались; подписал каждую этикетку и протянул покупательнице:

- Я вам всё сказал. А это – мой подарок, - и протянул Люсе баночку розового мёда. Люся сама не зная, что делает, подала продавцу приличную купюру и пошла домой. Где её ждали молоко и каша, с изюмом. У Люси на следующий день был последний рабочий день, а там начинался отпуск. Отработав положенный срок, Люся вернулась домой и открыла холодильник – он был абсолютно пуст. Как и кошелек – зарплата придёт только завтра, а аванс она уже потратила. И тогда Люся вспомнила, что вчера она купила странные самородки, которые надо было кушать с чем угодно, но только не со сгущёнкой. Решив, что терять ей нечего, Люся взяла самый первый пакетик слева и прочла этикетку: *"Начните с этих звёзд. Они не самые вкусные, но и не самые противные – они как раз под погоду, которая будет продолжаться всю эту неделю. И да – эти чудо-завтраки и чудо-ужины не вызывают привыкания. Разве что – вам обеспечен хороший иммунитет, красота и много чего ещё хорошего"*. Люся достала звёзды, насыпала их в белую тарелочку и

добавила туда завалявшуюся клубничку, которая была единственной уцелевшей в холодном ящике. Усевшись на подоконник, Люся узнала, что за окном начинался дождик. Тучи красиво скрутились вместе, словно сладкая вата, а пучки от этих тучек сверкали и красовались белыми линиями молочных молний. Невероятно красивое зрелище для тех, кто был романтиком даже в самое плохое время. Люся запустила ложку в свой ужин, а когда распробовала вкус, поняла, что это лучше любой каши – звёзды были хрустящими, а внутри мягкими, будто конфеты Скитлс, а у некоторых внутри была шипучка. От этих звёздочек внутри ушей звучал перезвон и взрывы, будто кто-то хлопнул бумажной хлопушкой и начал звонко смеяться. Это были самые настоящие *звёзды – яркие, прекрасные, гордые и невероятно вкусные!* Люся съела всё без остатка, даже вылизала тарелку – это была такая вкуснятина, что и словами не передать. И этикетка не солгала – эти звёзды так подходили под этот летний вечерний дождь! И утренний тоже, а всю неделю не прекращался дождь.

Последующие четыре недели Люся ела и пила только звёзды. И каждый пакетик нёс звёзды с разным вкусом и разным значением. **Второй пакетик** был подписан так: *"На этой неделе наконец-то зацветут вишни. Советую вам устроить пикник и попробовать банановый коктейль"*. И вправду – вишни зацвели, рекомендованный напиток был просто чудесен, а звёзды были яркими и дерзкими, в отличии от тихих и мелодичных дождевых. **Третий пакетик:** *"Вы так прекрасны! Я хочу, чтобы вы на полученную зарплату купили себе платье и сходили в театр – там будет представление "Смешные деньги"¹ – вам понравится"*. И точно – зарплата была очень большой, потому Люся позволила себе очень хорошие обновки и билет на четвёртый ряд. "Смешные деньги" ей очень понравились. И звёзды были уже такими эстетичными и изысканными по вкусу. **Четвёртая неделя:** *"Вы всю жизнь мечтали погулять по крышам. Устройте себе настоящий тур – в вашем городе есть просто потрясающие крыши, с которых прекрасно видно каждую звёздочку и каждое облачко!"*. Ах – какая романтика, какое вдохновение! Люся в своих джинсах и тёплой кожанке вдыхала ночной воздух и запах небесных звёзд, хрустя нежными и сладкими во рту, перед этим надувая из них большие пузыри.

Так Люся и жила конец лета – утро и вечер её грели звёздочки, в которые она добавляла фрукты и даже овощи – особенно хороши были эти самородки с огурцами. А заваривать их в кружке было ещё интересней – если бросить в воду одну-две штуки то получался "чай", если три – что-то наподобие кофе, а если четыре – кисель. И каждую неделю напитки имели свой вкус, свою изюминку. И это было прекрасно! И Люся сама стала лучше – настроение поднялось, ушли комплексы, казалось – жизнь стала лучше! А ещё Люся стала читать книги и слушать красивую музыку, а не только рэп и рок. Вот и подошла пятая неделя, и Люся сильно расстроилась – ведь у неё остался последний пакетик. И тогда она со всех ног ринулась к тому месту, где она получила эти чудесные пять пакетиков с маленьким волшебством внутри. Но на том месте продавца... не было! Даже на следующий день он не появился. И тогда Люся расстроилась ещё сильнее. Придя домой она взяла

¹ «Смешные деньги» - комедия в двух действиях, повествующая о бухгалтере Генри. Который по

пакетик и прочитала этикетку: *"Вы расстроились? Не волнуйтесь – пусть этот пакетик и последний, но вы теперь всю жизнь будете есть только эти звёзды. Ведь не зря же я к вам прилетел"* и в конце улыбающийся смайлик. И Люся улыбнулась, надела своё новое платье, которое ещё не носила, захватила вместе с рюкзачком, в котором нашлось место для пакетика со звёздами и пошла гулять по городу. Возле фонтана, который был чуть ли не в самом центре города, Люся остановилась, уселась на бортик и стала смотреть на воду. Она глядела на волны, маленьких барашков, а люди смотрели на неё – молодую и красивую, сверкающую и волшебную, будто она было пушинкой от одуванчика. Её рисовали проходящие художники, фотографировали фотографы, молодёжь думала о ней только самые приятные вещи, а поэты, истинные, но непризнанные поэты, писали про неё свои стихи, и каждый не был похож. А Люся сидела и ела звёзды – хрустящие, синие и блестящие, как космос, и такие же великие, как те, кто видел и думал о Люсе в тот вечер... Рядом сел юноша, и нагло вытащив одну звёздочку, разжевал и проглотил:

- Мм, вкусно. Но я знаю вещь получше, - улыбка у него была широкая, и Люсе он чем-то так и напоминал те самые звёзды, только вот чем – не понятно.

- Что может быть вкуснее звёзд? - спросила Люся.

- Только звёзды, а ещё танцы и первая любовь, - улыбнулся ещё шире парень и протянул к нежным губам Люси маленький самородок железно-голубого цвета. Она прохрустела этой звёздочкой, и почувствовало то, что свойственно чувствовать каждой девушке её возраста, каждой молоденькой красавице, каждой простой до невероятной красоты душе, как Люся. То, что Люся должна была почувствовать с этими звёздами, при встрече с продавцом и при этой вечерней встрече с оным то, что можно назвать бескорыстными звёздами – юную и чистую любовь.

Кофейные духи

На часах уже восемь часов, фонари в городе уже не горят бело-зелёным бездушным светом, людей на улицах всё меньше и меньше. И тогда все кофейные автоматы вырубаются, буквально на долю секунды. Потом всё снова включается, но из всех щелей автоматов выходят просто микроскопические человечки – такие же, как и мы. Только они намного загорелые, от них идёт тонкий запах кофе, шоколада и специй. Именно эти маленькие человечки варят нам кофе. Они очень быстрые, иначе мы ждали свои кофе сотню лет. В автомате у них очень много плит, кофе и чая, чайников и турок, все специи хранятся в мешках, подписанные зелёной краской и обязательно на индийском. Эти человечки делают наш кофе вкуснее и полезнее, пробуждающим и уникальным. Главное договориться с ними, иначе они сварят вам самый обычный кофе или чай – без запаха и вкуса. К сожалению, не все люди умеют договариваться, потому и получают какую-то смесь из ужасной вещи под названием "Растворимый кофе" с одной ложкой сахара...

- Ах, какой чудесный вечер! - воскликнула Галатея, подставляя молочные руки порывам ветра. Воздух пах зимой и смородиной. Она очень любила это время года – тогда всё становилось волшебным, вдохновляющим, а её любимый капучино становился дороже любой короны или даже дороже самого лучшего сорта чая.

- Принести кофе? - спросил Гликерий.

- О, это было бы славно! Мне латте с ежевичным сиропом.

Гликерий буквально через восемь минут пришёл с двумя красивыми деревянными кружками – готовил этот мальчишка очень быстро и очень вкусно!

- Ммм, как вкусно! - протянула Галатея. Глик в одной руке держал кружку и ждал пока остынет кофе, а другой касался снежинок и делал из них сердечки.

- Что-то ты сегодня не весёлый, - заметила девушка и добавила в кофе немного молока с помощью щелчка пальцев. Белые капли упали в кружку, оставив на пенке интересный рисунок.

- Не знаю... Вроде бы всё хорошо, но... Как-то даже странно... – туманно ответил Глик.

- Хм, тебе надо погулять, - решительно сказала Гала и спрыгнула с автомата вниз – безопасное приземление ей обеспечили пролетающие мимо снежинки. Холодные ледяные звёзды были ступеньками для такой маленькой ножки, по которым абсолютно безопасно спускаться.

- Ты там что, уснул? - крикнула девочка и отпила, но друг исчез в автомате. Ну и какой же он меланхолик! Пожав плечами, Гала пошла по улице, встречая таких же маленьких человечков на своём пути. Все они смеялись, ходили со стаканами и кружками, смеялись и даже танцевали. Снег вскоре сошёл на нет и перед глазами предстали деревья, опутанные гирляндами. Разноцветные огоньки освещали тротуар и водили дразнящий танец с холодным северным ветром, который решил ещё полетать над городом. Народу стало намного больше – на ветках так вообще таковых было пруд пруди. Как-будто всем разом захотелось покачаться. Галатея допила холодный кофе и повернула голову, чтобы увидеть ещё один автомат. Он был таким большим, ещё и под крышей, не то что тот, в котором жила она – у них был узкий серый ящик, всего лишь с десятью кнопками, без рисунка, грязный и на троллейбусной остановке. А этот – большой, толстый, оранжевый, с цветами по бокам. Невероятно красивый. Ух, а сколько он умеет варить – не автомат, а мечта!

- Боже мой, какая прелесть! - умилилась Гала, но к автомату подошёл какой-то юноша, и пришлось спрятаться за ближайшим снежным комком. Когда гость ушёл со стаканом, девочка всё же решила подойти и поискать хорошую щель, чтобы зайти во внутрь. Но щелей не было, хотя она не один раз всё осмотрела.

- Хм, какие не дружелюбные, - удивилась Галатея, но тут сверху на неё окликнули. Крикнул какой-то мальчуган, примерно её лет – весь растрёпанный и с огромной деревянной ложкой в руках, с которой капал сахарный сироп.

- Впустите! - радостно крикнула девочка и запрыгала на месте, зачем – не понятно.

- Нам запрещено впускать чужих, - огрызнулся мальчишка.

- Но мы же соседи, и должны дружить!

- Не велено! - и исчез.

"Ой какой самонадеянный", - хмыкнула девочка и без лишних усердий забралась наверх, к отверстию, из которого с ней разговаривали...

- АБАЛДЕТЬ! - ахнула Галатея. Внутри автомата было целое королевство! Почти как у гномов в шахтах – всё блестит, везде так много людей, и все чем-то заняты – прибираются, моют стаканчики, насыпают в турки новый кофе, сливки и сахар. И над каждым стаканчиком весели таблички с витиеватыми словами: "Эспрессо", "Капучино", "Горячий молочный шоколад", "Зелёный чай с лимоном и мятой" и много-много чего ещё. А сколько здесь было мешков со специями, молотым кофе и заваркой! И от всего этого шёл такой чудесный запах, что начинала кружиться голова. А ещё везде было много ручных лифтов, верёвок, с помощью которых наверх и вниз перевозили какие-то грузы, а ещё ручных лифтов. Везде слышались крики: "Меньше сыпь, меньше!", "Подвезите мелисы", "Хэй, не спи, а то не успеем кофе выпить"...

- Чужие в городе! - крикнули с права.

- Упс! - улыбнулась в зубы Гала и схватилась за ближайшую верёвку. Та неожиданно качнулась в противоположную сторону, но потом резко полнеслась вверх. Дух захватило – так быстро девушке не приходилось никогда передвигаться. Но буквально через пять минут поездка закончилась, и перед Галатей предстал тот самый мальчишка, который "встречал" её. У того были заняты руки, но увидев гостью, то всё, что он держал с грохотом упало на пол. Глаза стали похожи на идеально круглые блюдца, разве что челюсть не отвисла.

- Ты как сюда проникнула?! – в конце концов взял себя в руки парень.

- Забралась наверх и вошла в тут дверцу, из которой ты говорил, - улыбнулась девочка, всё ещё держась за верёвку. Ноги теперь не держались, а свисали вниз, колыхаясь от горячего воздуха и пара. Мальчишка оказался очень веснушчатый, волосы отливались мёдом, комбинезон и рубашка были в коричневых пятнах.

- Тебе нельзя тут быть – нам не разрешают водить чужих. А то ничего не успеем... - зло и тихо сказал мальчик, испуганно озираясь. Они сверлили бы друг друга взглядами, если бы Галатея не ляпнула:

- А пойдём гулять? - у мальчика отвисла челюсть.

- Что? – совсем тихо и даже испуганно прошипел тот.

- Я Галатея. Пойдём гулять? - и будто в тон весело и очень громко внизу засвистел чайник, поднимая огромное облако пара. Пар долетел до них и поднял вверх волосы мальчишки и лёгкий шарф Галы.

- Нам нельзя...

- А что можно? - без капли злости и сарказма спросила гостя.

- Ну...

- Идём! - Гала и схватила мальчишку за руку. Тот даже опомнится не успел, как полетел вниз, и вот - он лежит прямо лицом в снегу.
- Ха, забавное падение! - прыгнула со свежей снежинки девочка и поймала уже лежавшую на земле и начала делать из неё цветок.
- Зачем ты это сделала?!
- Я хочу с кем-нибудь погулять, а Гликерий даже носа не высовывает на улицу!
- Не мудрено... Но лучше мне пока не возвращаться - мне уши оторвут, - с явным сожалением потянул парень, отряхиваясь от снега.
- Иногда необходимо прогуляться и отвлечься от работы. Если постоянно работать в поте лица, то можно совсем очеловечиться.
- Уж лучше очеловечиться, чем получить нагоняя, - буркнул мальчишка. Галатея лишь рассмеялась и кинула ему в нос готовый цветок, пахнувший молоком.
- Кстати, как тебя зовут?
- Анис. Хм, я бы добавил мёда...
- Во что? - не поняла девочка.
- В молоко, - ещё шире улыбнулся Анис и зашагал вперёд.
- Зайдём ко мне, я ещё кофе заварю? - спросила Галатея.
- Не против. Но только латте... и с сиропом.
- С ежевичным? - обрадовалась девочка и потянула нового друга за руку.
- Хм, можно и с ежевичным...

Коричный торговец специй

Все мы знаем специи - перец, лаврушка, ваниль, гвоздика... И обычно торговцы специй всегда ходят с тугими кошельками, звук которых так ужасно дразнит несчастных прохожих на улицах городов. Но как ни прискорбно – торговлей могли заниматься далеко не все, особенно сейчас, когда чума вновь взяла правление над жизнями людей. Нельзя было выйти на улицу, а те, кто там по какой-либо случайности всё же оказывались снаружи, или умирали прямо на вымощенных камнями и кровью дорогах, или старались не заходить за пороги жилого дома.

Но вот в одном из таких городов – пропахшем смрадом и смертью, - заехал странный торговец – закутанный в серую накидку, лицо скрывали маска и пропитанная воском шляпа. И что было ещё странно – гостя отличал очень резкий и сильный запах корицы! И не только корицы – он пах богатством, здоровьем, трудно доступными смесями и порошками

лекарств, которые могли продлить твою жизнь на долгие годы. Как потом оказалось, это был торговец, торгующий специями за очень смешные цены.

- Что это за торговец такой – небось, какой колдун?

- Может быть... Но никто вроде не жаловался. Говорят, даже Папа брал у него перец, проверял на колдовство, но так ничего и не нашёл. Лекари к нему с самого раннего утра бегут – чеснок покупать.

- А сколько просит – кто знает?

- В том-то и дело, что никто! Все молчат!

- Ух ты, что ж это за бес такой...

А торговец даром время не терял – надел лучшие свои костюмы, убрал лавку, выставил товар, и казалось – само тепло и счастье поселилось в его маленькой лавке. Проходящие мимо малыши всегда останавливались и глядели на разнообразие мешков, коробочек, но больше всего им, конечно же, нравились подносы у лавки, где обильно возвышались горы булочек, пирогов и восточных сладостей. Но чтобы не печалиться от того, что всё это предназначено не для них, дети дружной группой уходят прочь – в свои холодные и мрачные дома. Но всё же один из них остался – мальчик, семья у него большая – больная мать, отец умер год назад – его забрала Болезнь, - две сестры, младше его на два года, да и старшие братья и сёстры не лучше – тощие и злые, бьют младших да и сами дерутся между собой, зачем – мальчику знать не дано. Каждый день – только ужин, а на тарелке - варёный лук. Разве этим наешься? Но что ещё могла получить такая семейка, ведь никто не работал, да и не хотел...

- Мальчик мой, ты потерялся? - окликнул его чей-то голос. Оглянувшись, маленький гость увидел того самого торговца – он сиял и светился, как свечка, от него пахло корицей так, что в носу неприятно закололо. А ещё от него пахло... чистотой?

- Нет, господин. Я... я просто смотрю, - торговец улыбнулся и даже хихикнул.

- Какой же я господин, мой дорогой? Я всего лишь торговец.

- Извините, я не буду вас беспокоить.

- Нет, постой! Хочешь – зайди!

У мальчика полезли глаза на лоб.

- Ну же, что ты робеешь? Заходи – я тебя накормлю и напою, ты такой голодный, - и протянул руку неестественного коричневого цвета, какой бывает только у корицы. Да и сама рука пахла ею – весь наряд, всё тело торговца пахло этой пряной специей.

- Как тебя зовут? - в свою очередь спросил Торговец.

- Том, - робко ответил мальчик.

- Ну что ж, Том, идём.

Внутри было так тепло и хорошо – висевший в воздухе запах специй и сытости дурманил разум, тепло от камина освещало душу и конечно же – сама атмосфера лавочки наводило ощущение некой сказки, в которую никто не сможет попасть.

- Том, подойти ближе – я хочу посмотреть на твои руки, - неожиданно попросил Торговец. Забыв о том, что его окружало, Том подошёл и несмело протянул свои ручки. Торговец аккуратно взял их в свои руки и начал осматривать.

- Ужас! Не думал, что люди могут быть такими неряхами... Том, я знаю, как ты живёшь – у тебя почти нет родителей, братья и сёстры не любят тебя, а из еды у тебя только варёный лук, и то – гнилой и мелкий. И знаешь, что самое страшное – ты тоже можешь заболеть. Каждый день для тебя – это риск для твоей жизни. И не хочу, чтобы ты не увидел мир во всех его красках...

Том моргнул – что за странные бредни? Неужели Торговец, о котором говорит весь город – сумасшедший?

- Я вижу – ты меня не понял... Хочешь есть? - Том обернулся к огромным блюдам, где громоздились пироги с мясом и сыром, и часто, словно болванчик, закивал головой.

- Но как ты понимаешь – я не могу даром всё это тебе дать.

- У меня нет денег...

- Я и не прошу денег, никогда не просил. У меня совершенно другая плата, Том, – я всего лишь хочу помочь всем тем, кто живёт в твоём городке...

- Господин, я не настолько маленький, чтобы пытаться что-то мне объяснить. Вы хотите помочь – я верю, но как это связано с тем, чем я должен заплатить вам за приём?

- Ты умный мальчик, Том, - улыбнулся Торговец – его коричные губы и такие же глаза сияли от улыбки и радости, - И раз ты так говоришь, то вот что я попрошу за приём – ты пройдёшь со мной в другую комнату, где я тебя умою и напою специальным лекарством. И если ты откажешься, то я просто не вижу смысла и дальше тебя держать здесь.

Том округлил глаза. Что за странная просьба? Но спорить не стал – так хотелось есть! Торговец умыл мальчика, причесал, одел в новенькую одежду и дал выпить какой-то сироп – тягучий-тягучий и почти безвкусный. Но после этого будто бы телу стало легче, будто что-то страшное ушло из него.

- Я так и знал – ты подхватил чуму, буквально недавно. Но теперь всё прошло... Идём же – пора ужинать, - поторопил мальчика Торговец.

За окном властвовала ночь, а с ней – Болезнь и Смерть, верные подружки. Но в лавочке ничего этого не было – были лишь тепло и сухость, здоровье и сытость. Том ел и пил, Торговец рассказывал сказки и истории из своих путешествий. И вскоре Тома ничто не

смущало – ни странные вещи лавочки, ни то, что ему пришлось мыться ради этих пирогов и такого вкусного чая, ни даже то, что сам Торговец полностью был из специй, склеенных добротой и заботой о других...

Бюро вязанных вещей

В мире есть столько вязанных вещей – кофты и свитера, шапки и шарфики, носки различных размеров и расцветок, перчатки и варежки, пледы, салфетки, даже украшения типа воротничков, кружева... Ох, всего и не перечислишь. Но всё же так иногда получается, что вещи теряются, и чаще всего, как ни странно, теряются именно вязанные. Ладно бы они просто выбрасывались, но теряться!.. Одно дело – потерять варежку, но другое – носок или кофту. Ужас, но на этот случай у вас всегда есть наше "Бюро вязанных вещей". Мы есть в каждом городе, просто не все знают, где нас искать. А найти нас очень даже легко. Нам

даже можно позвонить, но мы принимает вызов только с домашних телефонов, я ещё лучше – ретро, когда трубка связана с батареей кабелем...

В тёплом, даже несколько душном, кабинете приёма и сортировки вещей стояло несколько шкафов, как в архивах: "Шапки, шарфы, варежки и т.п.", "Свитеры и кофты", "Постель", "Игрушки", "Украшения, кружева и воротники", "Прочее" и совсем небольшой отдел "Не найденное хозяевами". Орудия спицами, на четырёх креслах-качалках вязали пять умелиц. Они были разного сословия, рода, возраста, но каждая из них умела делать что-то такое, чего не было больше не у кого. Их руку превращали нити в сложное переплетение узоров, вызывая неподдельный восторг у каждого, кто хоть глазком видел то, что у них получалось. Но они никогда не отдадут и не продадут то, что вяжут.

Бюро никогда не принимало потерянные вещи, как многие считают. На такой случай у вас есть простое бюро, а у нас принимают только потерянные истории. У каждой вещи есть история, своя жизнь, в каждый период своей жизни она испытывала какие-то радости и горести. Та же самая варежка – сначала она лежала в кармане, потом с ними пошли кататься на лыжах, а после катаний бросили на батарею сохнуть. Дальше ещё интересней – их могли оставить там до самого утра или бросить потом в шкаф к носкам и нижнему белью. Видите – как много вероятностей, как много подробностей и историй может быть только в одних варежках! И это ещё не одна история, которая может с ними произойти. Мне лично куда больше нравится, когда истории не валяются где попало. Истории – это тоже промежуток времени, всё равно что купить глубок шерсти и связать из него красивый узор на свитер. А если узор не получится, неожиданно оборвётся или потеряется, что ещё хуже – столько времени насмарку!

На приёмочной полке вдруг образовался новый свитер – совершенно новый, белый и пахнущий порошком, какой водится только в секунд-хенде.

- Красивая вещь, - похвалила Мама – она была у нас самой главной. Она была первой, кто начал принимать потерянные истории вязанных вещей, - Видимо где-то завалялась или кто-то забыл о ней...

- Наверное, я бы такую надела, - похвалила Розовая – у неё было волосы цвета молодых кораллов, она вязала потрясающие кружевные салфетки, которые постоянно пачкались её розовыми губами и пальцами, вырисовывая лиловые морские закаты.

- Нельзя принимать чужие истории себе, - пожурела Корица – от неё пахло старыми книгами, специями и она была первой, кто начал вязать из всех нас.

- Жалко – такая хорошая история, - сказала я и ещё сильнее раскачалась. Кресло мягко спружинило на мягком от ниток полу, из-под ножек посыпались золотые жёлуди. Я делала эти кресла, но только моё кидалось и желудями, и синими листьями, и кислыми конфетами Skittles, и кофейными зёрнами "Красный апельсин", и даже засушенными молодыми листьями папоротника. Раньше с этим нашествием пытались как-то бороться, но потом поняли, что это уже бесполезно. В конце концов это даже стало нашей фишкой – из собранных чудес кресла мы делали интересные коллажи и составляли невероятные

композиции. Желудиных котиков, играющих малюсенькими клубками, у нас было так много, что, наверное, стоило бы их уже раздавать!..

Наступает ночь, бархатная морозная ночь опускается на город, вязанные вещи уснули, перенося свои истории в чудесный мир снов. Четвёртая наша умелица, Чайница, заварила нам всем чаю с дикими травами. Она связала за сегодня такие прекрасные свитера для кружечек и сделала нам всем браслетики в стиле макраме – она очень увлеклась им в последнее время. Все пошли в маленькую кухню, а я осталась в кресле – Чайница любезно и с улыбкой принесла свои фирменные печеньки с яблоком и чай тоже. Сделав малюсенький глоток, я посмотрела на тот новый свитер. Что-то в нём было не так – я это чувствовало всем нутром.

- Злата, ты чего там сидишь? - крикнула меня Мама, - Идти к нам.

- Мама, я чуть позже подойду, не теряйте.

- Ничего не случилось?

- Нет, всё нормально, - потянула вновь и уставилась на свитер. Нет, в нём не было ничего особенного, но что-то в нём было... Не выдержав, подхожу к нему, беру в руки и разворачиваю. К нему булавкой приколоты записка: "В подарок Бюро. Для того, кто больше всех работает или мечтает". Я была в шоке. Для того, чтобы специально что-то отправить в наше бюро, нужно знать точный адрес. Да и как-то нехорошо писать так – "для того, кто больше работает или мечтает". Если с первым всё понятно, то что со вторым? Я решила пойти на риск и надела свитер. И тут в голове пронеслось одной мыслью слова: "От Творца мастеру, который не боится правил и необычности характера. Для того, кто не осмысленно ломает стереотипы и по-настоящему умеет мечтать"...

Дневник странника

Ночью снова шёл дождь, мокрая и от того прелая листва разносила вокруг себя некую дымку цвета инкогнито. На голых ветвях деревьев скопились серые клубки туч. Туман одевал молодую деву-осень, которую скоро сгонит мороз – уже конец октября, и вот-вот

придёт ноябрь, приносящий уже серьёзные заморозки. Тропы скользкие, будто кто-то облил их маслом, на сапоги налипали огромные комки грязи, делая сапог непомерно тяжёлым, руки на автомате закутывались в вытянутые рукава свитера, выглядывающего из-под рукав куртки. К волосам липнут духи тёмных веток и несъеденных птицами яблочек – цвета красного вина, они пытаются вить гнёзда в человеческих волосах, чтобы было теплее.

Незванный гость, которого приютил лес, шёл домой, где его ждали нерастопленная с утра печь – было лень, за что он постоянно себя ругал, - чай с мятой, ежевичное варенье, ёж, которого он подобрал ещё весной и получивший прозвище Беляш – потому что был белый, а не потому что обожал таковые. Но пока гость идёт, ему на руки падают оставшиеся у девы-осени золотые волоски, то есть – листья. Он ласкал руками стволы высоких берёз, пускал из глаз слёзы – такие светлые и чистые, какие бывают только у новорождённых. В голове его бегали кони в яблоках, парили над горами и каньонами гордые орлы, пели свои песни индейцы, плетя дымом из трубок загадочные паутины историй. И на душе было печальней ещё больше – ах, какие воспоминания! Какие чувства в этом мрачном, но прекрасном лесу – сплетаясь, пляшут рука об руку холод и жар, и от танца их зажигаются костры лесной магии! И вот ветер бьёт в свои волшебные бубны, и звучат песни гордых сосен – вот она, сила наша.

Ежевичное варенье таяло во рту – мама с любовью его варила для сына. Беляш уже долакал молоко, привезённое ему специально от местной доярки, возле маленькой железной печки сушились ботинки и куртка, об грязное стекло окна ударялись слабые маленькие капельки дождевой воды – будто на землю упала неведомой красоты девушка, раскинув в стороны руки, волосы, подняв кучу брызг своим бело-синим платьем. В щели дома пробирался ветер, покачивая огромные веники чабреца, душицы, мелисы и лимонника. На земляном полу лежали огромные кучи меха – настоящего, и только внизу две шубы из искусственного. Возле печи стоял что-то вроде буфета, из которого тепло и счастливо улыбались алюминиевые тарелки, белые кастрюльки ещё из СССР-ских времён, ложки и вилка без одного зубца... Много посуды, банок, и в каждой банке что-то нужное – пуговицы, кофе, карандаши и листочки бумаги, мелочь вперемешку с купюрами, молодые хвойные шишечки елей, ягоды можжевельника и калины... Много баночек, все разные – маленькие-большие, картонные-железные, простые-сложные... И рядом с ними всегда лежала одна книжка – к куску кожи были пришиты листы. Тетрадные, офисные, согнутые пополам, какие-то обрывки с очень важной информацией. Это был маленький кусочек души Странника, который обитал в этом домике. Три года он тут живёт, два года ведёт дневник – в городе печатая фотографии, вклеивая их в дневник, обрисовывая ручкой, делая кляксы чаем, рисуя тех самых духов тёмных веточек и несъеденных яблочек. И Беляша, конечно же, – куда без него. Он и сегодня писал, писал много – он любил писать красиво и подробно. За три года он научился видеть верхнюю суть лесов, улавливать признаки магии. И он писал о тумане, золотых волосах, комках грязи, индейцах и их бубнах – так много эпитетов и сравнений! И он никому не рассказывал о том, что видел, что писал, хотя глаза его часто выдавали...

И завтра он снова пойдёт ютить у себя в волосах духов, снова назовётся вам Странников, но никогда-никогда не расстанется со своим дневником и никогда не перестанет слушать песни, что уже напевал ему суровый и чёрный ноябрь. Он увидит новую магию, новых духов, снова будет чувствовать печаль и радость, а может быть так же, как и лесные духи, полетит вверх, к хороводам и кострам. И уж точно снова придёт к себе домой, затопит печь и достанет свой дневник, в котором раскроет самому себе великую тайну, до которой ну успел добраться раньше...

Чай по-нептунски и кофе по-бузиловски

Если вам когда-нибудь не посчастливится побывать на Бузиловских болотах, то знайте – там всегда туго с кофе и чаем. И если вы не мыслите и о дне без них, то вам будет очень трудно. Только если вы всю жизнь не пили чабрец и иван-чай...

Бузиловские болота – одно из самых загадочных мест на свете. Синие и бирюзовые воды пахнут дождём и тиной, некой магии им придавали светящиеся голубо-синие водоросли – длинные, в них будто бегали туда-сюда маленькие белые звёздочки, создавая воистину потрясающую и пугающую картину. Засмотришься – и упадёшь, а вода как густой кисель – без посторонней помощи не выберешься. На берегах царствовала дикая флора – среди обычных камышей и трухлявых берёз здесь росли такие "цветочки", что их не понюхаешь, пока не срежешь и не запрёшь на ближайший час в какой-нибудь жестяной банке. Благо, помимо птиц, здесь больше никто не жил – ни рыбы, ни бобров, ни набегающих случайно волков или даже болотных медведей. Птицы были мирными и бродили среди всей этой жути так, будто бы зашли в магазин за хлебушком, и пока ждут своей очереди, разглядывают полки с товаром, выглядывая чай, табак и сахар. И небо было почти зелёным, светило аж три светила – одно синие, горящее ежеминутно и садящееся только в конце каждого месяца – ровно двадцать восьмого числа. Другое, самое большое – лимонное, заменяло солнце. Из-за него на Бузиловах всегда было лето – выйдешь днём в одних штанах и то жарко. А вот ночью светило лиловое светило – размером чуть больше Луны, но если бы не оно, на Бузиловах не была бы такая прекрасная ночь – за окном никогда не было темно, будто кто-то наверху включил огромную лампочку. В таком свете болота светились изморозью – в сумерки наступали лёгкие ноябрьские морозы, которые превращали всё находящееся вокруг в некую волшебную сказку – припорошенные блёстками и пылью цветов камыши и ночные цветы качались на ветерке, издавая невероятные благоухания, будто вмиг зацвела яблоня или вишня. Вода становилась ещё гуще, и водоросли застывали в невероятных узорах, и только на самой глубине ещё можно было уловить их движение. Птицы прятались голубого в свои гнёзда, которые надёжно прятали их от мороза...

Человеку сложно к такому привыкнуть, ох как сложно.

Почти в самом центре болот стоял домик, в котором жил юный учёный. Лурас жил в Варшаве и всю свою жизнь мечтал побывать в волшебном мире – изучать новые места, рисовать карты, делать гербарий, ставить эксперименты с химикатами и животными, может даже – кого-нибудь и приручить... Да не тут-то было! Его заслали сюда за какую-то погрешность, сослали без малого на шесть лет. И четыре из них Лурас прожил как в консервной банке. Бузиловы были интересны, но когда с тобой никто не общается, даже письма не пишет, это действует несколько утруждающие. Лурас общался сам с собой, с растениями и птицами, читал вслух стихи и конспекты, но это не заменяло ему человека. Почти без еды и нормального дома, юноша стал грубым и жёстким, и лишь в глубине души его ещё теплилось чувство любви к людям. Но всё же это не меняло в нём романтика – красота, царствующая здесь, возбуждала лучше любого стиха под красное вино. Вот только да – без кофе и чая было сложно. По началу к этому Лурас не принимал значения, но потом начал понимать – травы это одно, но тело всё же помнило вкус настоящего чая, а особенно

кофе. И потому начиналась настоящая ностальгия – Варшава, торгаши булочками, с которыми так приятно было пить "Жокей", читать газету или какой-нибудь научный журнал. И тогда на душу ложилась такая тоска!..

И единственной отрадой тогда становился чай по-нептунски и кофе, названное в честь болот – бузиловское. Чай Лурас варил из местных листочков синего цвета – они были горькими и пахли мокрыми камнями, а вот в чае они раскрывали свой вкус и запах – это было нечто лучше, чем понюхать свежий хлебушек, потрогать мягкую ладонь, увидеть огромное поле ромашек... И цвет у чая был такой, будто в него положили ту самую планетку. А вот кофе лишь делал иллюзию кофе. Лурас не любил этот кофе – оно было очень приторным, и варить его надо было ещё со свежими "зёрнами".

- Уже девять, - устало сказал он и уронил голову на руки – глаза болели, он сейчас целых три часа писал статью о «Лютиках чёрных болотных» и сопоставление оных с земными видами. В стоящей рядом банке из очень толстого стекла лежал уже несвежий цветочек – чёрные бутоны с красными сердцевинами смотрели на Лураса зло и уныло. К завтрашнему вечеру его уже можно будет выбросить – засохнет. А за окном уже темнело – лимонное светило почти ушло за горизонт. А у него ещё столько работы!..

- Надо бы кофею выпить, - решил парень, взял накидку и маленькую баночку – в неё он насобирает много-много семян для кофе.

Через всё болота шли тропы, образуя сложную систему дорог. Каждая тропка была помечена – где стрелка, где табличка, где даже камыши были примяты. Для кофе нужно было идти постоянно в лево, и лишь у красной стрелки свернуть направо. И там, возле болотной лужицы "Млечный путь" увидеть кусты, больше похожие на засохший плющ. На веточках, уже покрытые лёгким инеем, краснели зёрна, похожие на ягоды домашней земляники, только размером с зерно гречки. Набрав на две здоровенные столовые ложки семян, Лурас как можно скорее пошёл к своему убежищу – ночное светило уже вступило в свои права, начало заметно примораживать. Не снимая накидки, Лурас кидает все эти семена в турку и заливает водой, добавляя корицы – она была у него в огромных запасах. Он привёз её с собой ещё в первый год, а когда узнал, что на болотах можно найти и замену!.. А корица была всегда нужна – она иногда отпугивала некоторые растения, особенно хитрый Птичий зуб – живучий ползун, цепляющийся за ноги и руки, и после него всю кожу покрывают следы, похожие на укусы. Вскоре "кофе" подоспел. Морщась, Лурас отпивнул – уж очень было сладко. Вкус сливочных клубничных карамелек противно щипал ноздри. Но что было – не помёт же птичий пить?

... И ночь хороша. В водах на самом дне пляшут водоросли, призывая прыгнуть к ним, раствориться в портале из звёзд и мягких приятных нитях водной травы и оказаться в другом мире. А это и был портал, Лурас это понял только спустя год и семь месяцев. И, взяв с собой всё, что можно унести с собой молодому учёному, он прыгает в этот кисель. Под водой дышится легко, будто это и не была вода. Внизу его встречают ленты – это не воздух, не тина, ни коряги, это ни что, что могло бы быть в воде. Это нечто хватало его и

уносило вперёд, окутывая в приятную дрёму, сквозь которую он смотрит на космос. Скоро он будет в новом мире, очень скоро...

Стекольные цветы

Главное не плакать — и всё пройдёт

Заклеиваю лейкопластырем очередную царапину после попытки суицида — пытался перерезать вены бритвой, но кто-то из врачей успел перехватить. Да ещё и тумачков навешать. Дурдом в дурдоме — ничего не скажешь. После пожара меня направили сюда, да я особо не сопротивлялся — мне было всё равно. Ведь у меня сгорел дом, а в нём были мать, брат, ребёнок и кошка. Жена? Ушла — родила сына и ушла. А я? Я был счастлив — мы бы всё равно развелись. Но всего лишь два года. Сыну было всего лишь два года!..

- Ты чо р-р-рёшь... скотина?! Ты мне сейчас в-в-всу... Конченный придурок!

Наш врач — бухает уже второй десяток. Как он ещё жив? Не люблю его, его вообще никто не любит. И он сам никого не любит, кроме бутылки и водки.

- К-к.. Ааак! Мне надоел... о! С в-в-амииии воз... - и заглох. Может, ушёл, а может просто упал и заснул. А я остался. Лежать и ждать. Как там они — мама, брат и сын? А кошка? Интересно, а на небесах кормят или умершим не нужна еда? Там светло или темно? Удобно или надо поискать место? Там есть телевизор — мама очень любит советские фильмы, а Стёпка — сын, — мультфильмы. Но больше всего он любит смотреть рекламу. Детям интересно смотреть рекламу, но Стёпке она особенно нравится, потому никогда не переключаем на другой канал, если начались очередные рекламные ролики. Мы просто начали их воспринимать, как внеплановую передачу. А вот Женька — брат, — любил больше музыку слушать. И гулять. Часто надевает наушники и пойдёт гулять, даже если на улице ночь. Мы его уже даже ругать перестали — Женьку ничего не остановит...

А сейчас их нет — некому будет смотреть «Любовь и голуби», хохотать над яркой рекламой, гулять в этот поздний час. остался только я — молодой, двадцать один год от роду...

Мама — 54 года;

Стёпка — 2 года и 1 месяц;

Женька — 15 лет.

— Кто там плачет? — спросил голос из решётки в стене.

— Кто это? — безразлично окликнул я чей-то голос.

— Я, Маруся. А ты кто?

Колокольчик. Голос, как колокольчик.

— Никто, — Маруся засмеялась. Тихо. *Как колокольчик.*

— Ну раз ты никто, значит тебя не должно быть. А ты — есть.

Хмыкнул.

— А у тебя есть имя? Я тебе своё сказала, а ты — нет.

— У меня ничего нет...

— Я дам тебе имя! Я дам тебе имя, слышишь? Так будет веселее! И проще — я хочу с тобой дружить! И я тебе придумаю имя! — и снова смех.

Свихнутая что ли?

— А какая у тебя болезнь? — спросил я, вставая на кровать. Но Маруся молчала.

— Эй... Мару...

— Миша! Тебя зовут Миша! Хочешь быть Мишей? — закричала девушка. Я даже испугался — она так громко умела кричать.

— Ну... Наверное. Да, наверное, хочу быть.

— Привет Миша. А я — Маруся, — и в решётке, близкой к потолку, показалась рука. Длинная, выше локтя торчала собранная в гармошку ночная рубашка. Я потянулся и ухватился за пальцы.

— А почему ты здесь лежишь? — ещё раз спросил я.

— А ты почему здесь находишься?

— Я первый спросил!

— Так первым и скажи! — и снова смех.

Я понял, что разговаривать с ней бессмысленно и улёгся обратно, поджав ноги под себя.

— Эй, Миша! Ты так и не сказал, — напомнила девушка, но уже не смеялась. Я молчал.

— Мишааа... Миша. Миша! Миш!!! — звала она меня. А я не двигался. Вскоре звуки за решёткой утихли и я отчётливо услышал, как кто-то скатился по стене и тихо заплакал. *Как мышонок.*

Подъём. Завтрак. Я ем в столовой — не люблю утром смотреть на белые стены. Овсянка на воде, как клейстер. Гадость! И нечто, похожее на кофе.

— Миша! Привет! — закричал мне кто-то в ухо. А эта как тут оказалась?

— Привет, — тихо ответил я и погрузил ложку в кашеподобную массу.

— А мне разрешили выйти! Я простудилась и мне не разрешали выходить. А тут разрешили, я так рада!

Я глянул на неё из-под тишка. На вид лет семнадцать-восемнадцать, взгляд детский. Огромнейшая копна волос, по цвету между рожью или овёсом. А ещё маленький рост — она еле доходила мне до плеча! Как же она дотянулась до решётки? На табуретке и то еле-еле как дотянешься до первого прутика, а она чуть прямо не из самого верха вытянула руку. А ещё огромный рот, всё время улыбался.

— А ещё я ни капельки не обижаюсь, что ты вчера мне не ответил. Правда, совсем не обижаюсь. Ты, наверное, просто хотел спать, а я тебе мешала. Мне, право, так неудобно было утром, ведь я вчера не подумала совсем...

Она тараторила и тараторила, как заведённая неисправная игрушка. Я только и делал, что толкал в себя кашу и смотрел в одну точку. Перед глазами маячили лица и одна мордочка. Серая мордочка с красивыми зелёными глазами и чёрным носом...

— ... А тётя обещала вчера привезти через три дня шоколадку. Я люблю шоколад. Тётя мне всегда его привозит, а вчера не смогла.

— Извини меня, но надо идти.

— А можно я тоже пойду с тобой? — Маруся схватила меня за руку. В глазах плясали какие-то лихорадочные искры.

— Нет, я должен идти один.

— Ууу, как жалко. Мне хочется с тобой погулять... А давай вечером пойдём гулять! — закричала она, несколько голов повернулись к ней.

— Угу, — отстранённый звук, кафель под ногами, ещё один кафель... Я поднял голову и увидел стол перед процедурной. На нём как всегда стояли банки с лекарствами, шприцы и марли. За дверью кто-то мычал, видимо — одному психу хотели промыть мозги через желудок. А я смотрел и смотрел на эти бутылочки, и в конец схватил какую-то и разбил о стену. Прозрачное лекарство изморвало голубую стену, осколки заблестели в тусклом дневном свете. А по руке пошла кривая глубокая рана...

Я сидел в коридоре, никого не было, только где-то далеко было слышно жужжание людей, будто как от пчёл. На руке была марлевая повязка, которую я изгладил то такой степени, что ней уже появились выпирающие нити и две чёрные линии.

— Зачем ты это сделал? Это ведь больно, — Маруся. В штанах цвета улитки и белой казённой рубашке.

— Не хочу жить.

— А я! А обо мне ты подумал? С кем я буду дружить! Да и зачем умирать — это точно больно! У меня папа повесился, ему было больно. А мама меня била после этого — тоже было больно, потому что она хотела меня убить. Не надо так говорить и делать! Это нехорошо.

Ааа, вот как она сюда попала — умопомешательство.

— Мне тётя говорила...

— Марусь, не учи меня. Я не хочу жить. Я потерял дом и семью. Я каждый день их вижу. И я уже не вижу разницы между смертью и жизнью. Лишь бы не думать о них.

Она захлопала глазами, как маленький ребёнок:

- Так вот почему ты всё время себя режешь!

— А ты откуда знаешь? Или это так заметно.

— Я всё время слышу, как ты это делаешь, — ответила она серьёзным голосом, будто хотела доказать мне очевидную вещь.

— А я не хочу слышать. Я не хочу о них думать. Мама была старой, брат и сын ещё маленькими. И они сгорели. А я в это время был на работе и не горел с ними...

Молчание. Тягостное. Лейкопластырь на пальце ноги всем своим видом показывал, что сейчас он готов свалиться на пол.

— Пойдём гулять.

— Куда?

— Увидишь, — улыбнулась Маруся и потянула меня за руку.

Гулять.

Маруся вела куда-то в сторону забора через огромные заросли травы. Пырей колотил по лицу и запутывал ноги. Вскоре мы остановились возле старого разрушенного на две добрые трети здания. Раньше здесь был второй корпус, но его вроде как забросили. Я хотел уже начать спорить — идти туда или не идти, — но Маруся схватила руку ещё крепче и повела по кирпичам, разрушенным лестницам. Она ходила по этому зданию так, будто бы здесь жила. Мы добрались до пика — на старой стене открывался невероятный пейзаж! На Больницу, на то, что за ней, на небо. Красивый розовый закат с дерзкими и широкими линиями цвета огненного оранжевого. Будто кто-то специально расписал небесный купол масляными красками, широкими мазками.

— Как...

— Красиво! — закричала Маруся и засмеялась, — Как красиво!!!

Не знаю почему, но я тоже засмеялся. Да, очень красиво... Красиво! Потому и смешно, потому что КРАСИВО!!!

— Я знала, знала, что тебе понравится! — ещё громче засмеялась Маруся и накинулась на шею, махая ногами. Я стоял в оцепенении.

— Ну, кружи меня! — капризно попросила она. Я закружил, и чуть не оглох от смеха.

И нежности. Любви.

Подоконник, ночь, сонное сопение в соседней палате — Маруся спала. На душе болело. Мама, брат, сын и кошка. И копна светлых рыжих волос. Боже мой! Ну как так можно? Да разве так может быть!

Руки зудели и чесались — из ранок, из-под корост, лезли капли крови. Не заглушало боль. Никак. Сердце билось, будто после четырёх чашек крепкого кофе. Голова зудела, будто там поселилась огромная жирная муха и не давала успокоиться. И признаться самому себе было страшно...

Боже, как страшно. Страшно... Страшно...

— Страшно! — крик, звон бьющегося стекла, кровь и слёзы. Никто не услышал. Никто не знает. Не посмеет узнать. Сняв с себя все бинты и лейкопластыри, я брал осколки и клеил из них что-то похожее на цветы. Из голубых они становились красные. Кровь текла из пальцев, но я плевал на это. Как и плевал на боль. Мне просто хотелось быть, жить. Любить.

Я хочу быть с тобой...

Дизайнер снежинок

- Ну где заготовки? Виктор, сколько раз можно пропускать доставку? Мы так никогда не успеем – люди жалуются на недостаток снегопадов в городе! А детям совершенно нечем играть в снежки!..

- Ангелина Семёновна, прекратите! Я же вам принёс заготовки.

- Но на целых четыре часа позже!

- Если вы не прекратите скандал, то мы точно не успеем к обещанному сроку устроить снегопад. И опять обругают метеоцентр, а он, в свою очередь, обругает нас!

- Ох, и правда... Ну чтобы потом мне тут!..

Ушла, ой Господи! Раскричалась, как не знаю что!

Ох и скучная у меня работа – по шаблонам снежинки вырезать! Сначала тонкий слой льда увеличивают, потом по шаблону лобзиком вырезают, наждачкой пройдутся для мягкости, немного света в льдинку, потом уменьшат и складывать в огромные бочки. Ужас! Все снежинки одинаковые, похожие на типичные звёзды - шесть лучей, без украшений. Разве что по размеру разные и по длине лучей.

- Виктор, Виктор - на что ты тратишь своё время, - действительно, ужас - на что уходят лучшие годы жизни? Как робот выполнять самую обычную и ужасно скучную работу. А ведь так хотелось сделать нечто что-то из ряда вон выходящее...

Домой вернулся я поздно - на улице было холодно, ледяной ветер отморозил все щёки! Так ещё и снег пошёл - ироды! Ужасно колючий, и самое противное то, что половина этих

снежинок сделаны моей рукой. И как таким можно играть в снежки - ведь они колют ладони, даже через варежки. А что думают остальные про эти колючки? Наверняка то, что они... Ну вот, опять настроение испортил, самому себе - может к психологу сходить? Дома всё было как обычно - одна комната, одна кухня. Кровать снова не заправлена, всюду валяются бумаги и карандаши, линейки из специального ледяного стекла - для работы над снежинками. На кухне ржавый чайник, всего одна тарелка с засохшим куском хлеба и сыра. Ни колбасы, ни даже сахара - придётся пить чай так. Пока чайник грелся и жарились яйца о ноги тёрся толстый рыжий кот - Плюша. Есть за троих, но он не ведёт себя как наглый котяра, наоборот - он знает себе цену, никогда не просил много, когда я ложился спать, то всегда ложился под боком - от этого становилось тепло.

- Что, Плюш, опять нам нечего есть? - Плюш лишь весело глянул своими зелёными глазами и замурлыкал. Обожаю этого кота - никогда не унывает и радуется тому, что есть. Бросив ему в миску ещё горячий кусок яичницы, уселся за стол и взялся за книжку. Вернее - это был дневник сестры. Ей было девять, когда наши родители развелись - папа живёт в соседнем городе, и насколько я мог знать - работает механиком, живёт не лучше моего и бухает каждый божий день, - а мама забрала сестрицу и была такова. Наверное, Мара у меня уже большая деваха - учится в школе, готовится к экзаменам, встречается с мальчишками, гуляет с подругами и есть леденцы "Снежка" - любимые, но чертовски дорогие. А я... Я сижу тут, пытаюсь свести концы с концами. Но Мара такая молодчина, слов нет - у неё всегда была буйная фантазия, и все свои задумки она записывал в этот блокнот. Он уже потерял свои цвета, но в них осталась та самая детская радость, которой мне так не хватает сейчас.

"... И тут на берегу озера выросли ледяные цветы - завитки и блёстки на них выглядели волшебно!" - ох, какой у неё могучий язык. Улыбаясь, я закрываю блокнот и смотрю в окно - идёт снег. Понимая, что больше мне делать нечего, иду в кровать - рисовать эти самые цветы...

Все делают снежинки и обсуждают какую-то ерунду. Заперевшись у себя, со своим треклятым станком, который совсем не хочет работать, пытаюсь делать эти самые снежинки. "Ледяные цветы - завитки и блёстки"... Крак!

- Чёрт! - лезвие ушло в бок! Ну блин - снова будут ругать... Хотя, стоп - такой жу треугольный отступ был у моих цветов, на рисунке. И рука сама повела - станок, как ни странно, начал работать очень слаженно и мягко. От невообразимых узоров цветка льдинка сама началась светиться. Так как мы вырезали сложенные ледышки, то развернув свою, то просто ахнул - боже, какая красота! Хотя, можно было добавить немного закруглений у кончиков. И немного квадратных выступов... Работа пошла - даже не знал, что могу так быстро и одухотворённо резать. Станок, будто присмирел и замурлыкал, как Плюша, лишь помогал в резьбе. И даже тогда, когда все ушли, а на улице сгушалась тьма, я работал, и до самого утра работал. А потом я и у других взял их снежинки и тоже переделал! А утром, вопреки всем правилам, разбросал всё это над городом!

- Виктор! - это Ангелина пришла жаловаться, - Метеоцентр спрашивает - что это за самовольное снегопадение и почему в таком большом количестве!

А я? Я не слушал, да и зачем - я смотрел на улицу. Все ловили снежинки пальцами и говорили: "Боже мой, какая красота! Прямо цветы", и знал, что так подумает моя сестра, увидев эти самые цветочки - с завитками и блёстками...

Синие песни

На затонувших кораблях

Гуляют птицы, звёздочные дали,

И как будто на полах

Цветут пол-месяцев призрачные длани.

Но затонувший флот не может

Душу невинного забрать.

Но кто не жившему поможет

С шеи крепкие верёвки снять?..

По улицам проплывали последние рыбы, с деревьев упали сахарные плоды ракушек-груш, которые быстро подбирались сиротами-мальчишками. Они поджарят эти груши на огне, посыплют солью и обильно полють густым медовым сиропом, празднуя конец дня. Ночью можно ходить по садам и брать ягоды, наедаясь ими до боли в животе. Можно пойти в лес, набрать шишек, похожих на окуней, и играть в войнушку, чтобы чуть ли не под самый рассвет убраться на чердаки домов и уснуть счастливым сном, окутанным теплом печных труб, словно нагретая вода. Можно же ещё пойти на речку, набрать ракушек и искать в них жемчужины, перед этим вдоволь накупавшись... А те мальчишки, что выросли и возмужали,

теперь просто таскают картошку или же уходят ближе к морю, к заброшенной бухте. Именно о ней слагались веками баллады и песни, и некоторые даже говорят, что сами видели призраков и даже тело Юной дочери пекаря!

... Несла она хлеб, и синие полы раздувая,

Бежала она вперёд, сути дорог не зная.

В руках - корзинка, а в ней - свежий хлеб,

У водных распутий да полноводных рек

Она пробегает, дерево-каблук - цок!

И даже не сможет последний сделать прыжок

- Она падает в воду, чей-то рукою ведясь,

Где живут корабли, от раздора гноясь...

- Я не верю в эти сказки - зачем кому-то привязывать девчонку к кораблю? - рассуждают те мужалые мальчишки, почёсывая свои первые бородки и выжженные на солнце руки. - Говорят, что и девка-то сама особой красотой не блистала - самая обычная...

- Но ведь говорят, что водяные и мавки, отведав хлеба, становятся людьми. Может, кто из них захотел стать человеком?

- Зачем, когда они ведутся словом Дьявола? Им и так хорошо.

- Тебе от куда знать!

- А то и знать - говорят, на прошлой неделе, когда был сильный отлив, видели её лицо! И даже тело само - стоит в воде словно статуя.

- Враки всё это.

- А вот и нет! Спорим - я найду из всех нас её труп?

- А на что споришь? - к разговору подключились остальные.

- На что спорю? Хм... За садом управляющего есть чёрный ход в подвалы, а в них такие богатства - тебе даже и не снилось. Налопаясь на год вперёд. Если выиграю - принесу вам мешок всего наилучшего, что там есть! А если проиграю - покажу вход и позволю себя выпороть метлой на виду у всех!

- Ого, но раз такое дело, то я тоже хочу поспорить... На десять серебряных, - подхватил ещё один смельчак.

- Ха, десять серебрушек... Я все двадцать золотых дам! И окорок самый лучший у мясника выпрошу! - ого, дерзко.

- А я рубашку шёлковую достану. И удочку рыбацкую свою лучшую отдам тому, кто выиграет!

- Я у матушки Агаты выпрошу апельсиновые пироги!..

И пошёл спор, и после того, когда ставки приняты, мальчишки дружною гурьбой разбили свои скреплённые руки и разошлись кто куда - кто спать, кто в сад, кто в лес, а кто решил покупаться, и к нему после присоединились те немногочисленные, кто не знал что делать...

... А волосы её отливаются бронзой,

И голос сладок, словно сок берёз.

И вроде не краса, но берегись её голоса зов

- Запутавшись в хлебные запахи рук её,

Запоёшь песню, оберегав девчонку от снов,

И будешь просить снова спеть песню

- Про море, про птиц, ночью блаженный отдыха зов...

Влад, наверное бы, никогда бы не ввязался в эту авантюру. Что ему до каких-то глупых мальчишеских споров? Да - он иногда любил с ними пошастать по чужим садам, бегать в лесу и кидаться шишками, купаться и играть в воде. Но сейчас у него не было ни настроения, ни возможности - он ходил по всем полям и искал новые травы, но засуха прошлой недели не оставила свои труды незамеченными. Да - пшеница и рожь поливались из особых устройств, придуманные каким-то королевским мастеровым, но поля с дикими травами остались покрытыми одуванчиками, репьем и репеем, который тля пожирала с катастрофической скоростью. И от нечего делать он блуждал за городом или же возле моря, выискивая стрелолист или сусак в более пресных местах. Иногда во рту жевались тонкие стебли пастушьей сумки и зверобой. И вот, блуждая вновь по песчаным и илистым берегам морского берега, он вновь вглядывался в заросли травы. Влад устал -устал ходить, искать, молиться, потому что понимал - Бог хочет, чтобы он за всех отдувался. Нет - ему нравилась жизнь бродяги, нравилось делать лекарства и помогать больным, нравилось голодать и испытывать жажду. У него с недавнего времени даже появилась маленькая подружка, с которой он ходил по секретным местам, собирал травы и рассказывал много замечательных историй, а она - о своей семье и о своих мечтах, оживавших во сне... Но сейчас ему больше нравилось сытое брюхо, чистое бельё и кружка горячего чая, приветливо и любя разлитое монашками при аббатстве. Нет, ему этого никогда не видать!..

И тут он заметил что-то белое в воде, похожее на тончайшее полотно, будто дымок вскружился и пропал. А после таких полотен стало больше - у них появились ноги, руки, человеческие головы с грустными глазами цвета камня, заросшего незабудками, и фарфоровая кожа. Влад не знал, как выглядит фарфор, но сейчас, глядя на эти лица он понял, что это такое... И тут среди них он увидел ещё одно - оно было ввиду буквально секунду и тут же ушло. Влад испугался - ведь это мавки могли затащить кого-то в воду! Не теряя времени, он рыбкой прыгнул в самую гущу белоснежных призрачных потоков, перепугав несчастных созданий здешних вод. На пути ему встречались огонь-рыба, мелкие водянки и водяные, даже проскользнула рыба-змея, прозванная Изумрудной! Но влад не вглядывался в них и грёб дальше. Лунный свет освещал дорогу чуть ли не до самого дна, но тут... Стало темно и холодно, будто здесь ничегошеньки нет. Было страшно - всё равно что оказаться связанным в лесу в лютый мороз без сапог и даже носков. Началась паника, но тут лица коснулось что-то очень гибкое и очень мягкое.

"Морская трава!" - ужаснулся Влад, уже собираясь плыть наверх, лишь бы не оказаться погребённым в этих сетях из тины, но тут снова появилась луна, и указала светом своим на затонувший корабль - чёрный, как свежая сажа, зеленоватый от мха, вокруг него плакали огромные стаи-ленты серебряных рыбок, несколько душ и дух тайны. Но главное было то что перед собой юноша видел то, за чем устроила охоту местная шпана...

... Коса длиннее дорог, крепче обещанных слов

Но кто же пробудет её от вечных снов?..

Верёвки, тонкие и крепкие, видимо - пеньковые, - крепко держали молодую дочку пекаря. Полы синего вышитого красным платья сидели на ней колокольчиком из-за колыханий вод. Каблуки туфель давно отвалились - дерево не выдержало такой сырости. В руках корзинка, в котором так и лежал нетронутый ни рыбами, ни мавками хлеб. Мирное лицо... Простое, но особо волшебное в этом лунном свете и пелена сна. Казалось, само небо осыпало жертву вод своими звёздчатыми дарами...

В толще воды зелёной морской

Путников топят ураганы крепкой волной,

Но путник выпьет за души упокой

Дочки пекаря, что в водах этих

недобровольно нашла покой.

Лицо безмятежно освещает луна,
 И солнце не видит её в ночи. Краса
 Простоты и душа так чиста,
 Что не тронут рыбы свежего хлеба.
 Пусть спит в водах своих дочь кормилица
 Городов и бродяг,
 И пусть о ней сотню так лет говорят.
 Однажды найдётся смельчак,
 Что без помыслов злых,
 На потоке воды, добравшись средь тварей живых,
 Свободу навечно ей присудит,
 И себя скромным подвигом навеки
 клеймит.....35